Геннадий Леонтьевич Соболев

Русская революция и «немецкое золото»

Геннадий Соболев

Русская революция и «немецкое золото»

Соболев Г. Л.

Русская революция и «немецкое золото» / Г. Л. Соболев —

Соболев Геннадий Леонтьевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета. Автор книг «Октябрьская революция в американской историографии», «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году», «Петроградский гарнизон в 1917 году», «1917. Россия. Петроград», «Александр Керенский: любовь и ненависть революции» и других. Новая книга Г. Л. Соболева посвящена вопросу финансирования Германией партии большевиков и других политических партий России в годы Первой мировой войны. Возникнув еще в 1917 г., этот вопрос и поныне вызывает крайне противоречивые суждения и споры. Основываясь на широком круге источников и исследованиях зарубежных и отечественных историков, автор стремится отделить факты от мифов и легенд, выявить истинную роль «немецкого золота» в судьбах Русской революции. Рассматривая самые различные точки зрения на эту проблему, он предоставляет делать окончательные выводы самому читателю.

© Соболев Г. Л.

Содержание

Вместо введения 5
Глава первая. 8
Глава вторая. 16
Глава третья. 29
Глава четвертая. 41
Глава пятая. 57
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Соболев Геннадий Леонтьевич
Русская революция и «немецкое золото»

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.
В. Брюсов. Только русский.

Вместо введения

Вопрос о «немецком золоте» и «германских агентах-большевиках», так взбудораживший наше общественное мнение с началом эпохи гласности, имеет давнюю историю и обширную, преимущественно западную, литературу, поскольку в нашей стране эта тема находилась многие годы под запретом. Неудивительно поэтому, что в новой политической ситуации наши оперативные журналисты и публицисты, прогрессивные политики и политологи, нетерпеливые историки и литераторы, все испытавшие радость приобщения к неведомой им дотоле литературе, поспешили выплеснуть ее содержание на страницы журналов, газет и своих сенсационных произведений. Авторы этих отчетливо политизированных публикаций, по авторитетному мнению американского историка С. Ляндреса, «совершенно не стремятся разобраться в существе этой далеко не однозначной темы, над которой вот уже на протяжении 30 лет работают историки и архивисты в Западной Европе и США» [1].

Поиски «немецкого золота» у большевиков начались еще в 1917 г., но поскольку вели их тогда не старатели-специалисты, а ярые противники большевизма, ослепленные своим политическим поражением, напасть на «золотоносную жилу» им не удалось. Но словесной руды было произведено столько, что она грозила похоронить в своих завалах «золотой немецкий ключ большевиков». Выпустивший в 1940 г. в Париже книгу под таким названием С. П. Мельгунов одним из первых встал на путь критического осмысления накопившейся массы материала, считал необходимым «отделить шелуху в том, что мы знаем». Критический анализ источников привел тогда известного историка к выводу, что «тайна «золотого ключа» едва ли будет когда-либо вполне разгадана»[2].

Но парадокс состоял в том, что несмотря на это признание, все, кто писал о «немецком золоте» впоследствии, ссылались на Мельгунова как на открывшего эту тайну. И лишь немногие продолжали собственные поиски по следам документов. Д. А. Волкогонов, заглянувший в поисках компромата на Ленина в самые секретные документы Особого архива, в конце концов был вынужден признать, что феномен «золотого немецкого ключа» представляется ему попрежнему как «дилемма мистификации и тайны», и он не может категорически утверждать, что с выходом его книги «все в этом вопросе станет ясно»[3].

И в самом деле внести ясность в этот запутанный вопрос мешают пока господствующие в современной отечественной литературе заранее обвинительный или оправдательный уклоны, нежелание выслушать аргументы обеих сторон. Чтобы ответить на вопрос о том, насколько обоснованны обвинения большевиков «в преступных связях» с Германией, необходимо объективно проанализировать весь комплекс известных на сегодня документов и фактов, преодо-

---

[1] Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // Отечественная история. 1993. № 2. С. 132.

[2] Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940. С. 11, 53.

[3] Волкогонов Д.А. Ленин: политический портрет. Кн. 1. М., 1994. С. 200

леть тенденциозный и избирательный подходы к ним, принять во внимание все достижения новейшей западной и отечественной историографии. Разумеется, главная проблема состоит в том, чтобы не утонуть в этом море документов и мистификаций, фактов и мифов, не поддаться соблазну увидеть и услышать в источнике то, что очень хочется в нем обнаружить. Один из основателей школы «Анналов» Люсьен Февр предупреждал, что «…несмотря на благие порывы, нет и не может быть истинного понимания там, где все отмечено печатью неизбежных и роковых симпатий и антипатий». Чтобы ответить на вопрос о том, что же произошло с Россией в 1917 г., французский историк предлагал задать этот вопрос «десятку наблюдателей – французских, английских, американских и других, которые видели все это воочию»[4]. Американский профессор Энтони Саттон в книге «Уолл-стрит и большевистская революция» пишет, что «когда доказательства из официальных документов соединяются с неофициальными свидетельствами в биографиях, личных документах и житейских историях, – то возникает интересная картина»[5]. Но чтобы эта картина была не только интересной, но и реалистической, в ней обязательно должен присутствовать международный и внутриполитический фон, на котором и происходила борьба экономических, политических, государственных, национальных, партийных и личных интересов. Надо постоянно иметь в виду, что «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целями»[6]. Луис Фишер, автор одной из самых известных работ о Ленине, пишет: «Страсть, честолюбие, гордость, зависть и тщеславие ведут свое существование независимо от разума, но побуждают его к действию»[7].

Мой интерес к проблеме «немецкого золота» возник в 70-е гг., когда я работал над книгой об американской историографии Октябрьской революции. Занимаясь тогда в спецхранах научных библиотек Москвы и Ленинграда, где находилась основная литература по моей теме, я открыл для себя существование так называемых «Документов Сиссона», о которых сегодня знают даже люди, далекие от истории. Но в то время меня интересовала в первую очередь беспрецедентная пропагандистская кампания, которая была развязана в США в связи с публикацией там этих документов в 1918 г. Меня тогда особенно поразила та роль, которую сыграли американские журналисты и историки в дезинформации своей общественности относительно событий, происходивших в России в годы революции и гражданской войны. Их репортажи и отчеты, по мнению специально исследовавших эту проблему У. Липпмана и Ч. Мерца, носили «почти катастрофический» характер, а результатом почти всегда было «введение в заблуждение». Причину же этого они усматривали прежде всего в том, что американские корреспонденты и редакторы были абсолютно уверены в правоте своего правительства, объявившего крестовый поход против большевиков, и поэтому видели «не то, что было, а то, что люди хотели видеть»[8].

На этой благодатной почве сформировались и укоренились многие мифы и легенды, которые спустя много лет, когда на Западе о них почти забыли, наши журналисты и публицисты приняли за чистую правду.

Собирая в течение многих лет материалы для своей будущей книги, радуясь успехам и находкам своих зарубежных и отечественных коллег, огорчаясь из-за конъюнктурных поделок и подделок, я тем не менее считал и продолжаю считать, что время для объективного изучения этой крайне политизированной проблемы не наступило. И только преждевременная смерть моего близкого друга и многолетнего коллеги профессора В. И. Старцева, с которым мы посто-

---

[4] Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 66.

[5] Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 7

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 21. С. 306.

[7] Фишер Л. Жизнь Ленина. М., 1997. С. 194.

[8] См.: Коэн Стивен. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 26.

янно обсуждали эти проблемы и который сам опубликовал блестящее исследование о подлинном авторе «Документов Сиссона»[9], обязала меня написать эту книгу, и хотя я, как и другие авторы, не утверждаю, что мне удалось раскрыть тайну «немецкого золота», хочу надеяться, что я к ней все же приблизился. Я также хочу верить, что в XXI в. эта проблема наконец-то станет академической и новое поколение историков, преодолев пристрастия и заблуждения своих предшественников, обязательно ее решит.

[9] Старцев В.И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994; 2001.

Глава первая. П. Н. Дурново: «Главная тяжесть войны выпадет на долю России»

За несколько месяцев до начала Первой мировой войны один из самых влиятельных царских сановников, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново обратился к Николаю II с запиской, в которой прямо-таки провидчески указал на пагубные последствия разрыва «испытанных, если не дружественных, то добрососедских отношений с Германией». Он предупреждал, что «борьба с Германией представляет для нас огромные трудности и потребует неисчислимых жертв», что «война не застанет противника врасплох и степень его готовности, вероятно, превзойдет самые преувеличенные наши ожидания». Убеждая царя в том, что России во всех отношениях невыгодна война с Германией, П. Н. Дурново обращал особое внимание на экономический аспект сотрудничества с немецкой стороной. «Что же касается немецкого засилья в области нашей экономической жизни», то едва ли это явление вызывает те нарекания, которые обычно против него раздаются, – полагал он. – Россия слишком бедна и капиталами, и промышленною предприимчивостью, чтобы могла обойтись без широкого притока иностранных капиталов. Поэтому известная зависимость от того или другого иностранного капитала неизбежна для нас до тех пор, пока промышленная предприимчивость и материальные средства населения не разовьются настолько, что дадут возможность совершенно отказаться от услуг иностранных предпринимателей и их денег. Но пока мы в них нуждаемся, немецкий капитал выгоднее для нас, чем всякий другой… В отличие от английских или французских, германские капиталисты большею частью вместе со своими капиталами, и сами переезжают в Россию. Этим же свойством в значительной степени и объясняется поражающая нас многочисленность немцев-промышленников, заводчиков и фабрикантов, по сравнению с англичанами и французами. Те сидят себе за границей, до последней копейки выбирая из России вырабатываемые их предприятиями барыши. Напротив того, немцы-предприниматели подолгу проживают в России, а нередко там оседают навсегда. Что бы ни говорили, но немцы, в отличие от других иностранцев, скоро осваиваются в России и быстро русеют. Кто не видал, напр., французов и англичан, чуть не всю жизнь проживающих в России и, однако, ни слова по-русски не говорящих? Напротив того, много ли видно немцев, которые бы хотя с акцентом, ломаным языком, но все-же не объяснялись по-русски? Мало того, кто не видал русских людей, православных, до глубины души преданных русским государственным началам и, однако, всего в первом или во втором поколении происходящих от немецких выходцев?».

Главное же предостережение этого видного государственного деятеля состояло в том, что война России с Германией может закончиться социальной революцией для обеих. «Слишком уж многочисленны те каналы, которыми за много лет мирного сожительства незримо соединены обе страны, чтобы коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них, не отразились бы и в другой, – писал он. – Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма»[10].

Увы, этот пессимистический прогноз полностью подтвердился: в ходе длительной и кровопролитной мировой войны Германия и Россия сами загнали себя в тупик, выход из которого пролегал через социальные потрясения, а для России – социальную революцию. Война стала последним испытанием царизма, показала его неспособность спасти от катастрофы страну, которая к этой войне не была готова. Как признавал позднее начальник штаба Ставки гене-

[10] Записка П. Н. Дурново // Красная новь. 1922, № 6(10). С. 182 – 199.

рал Н. Н. Янушкевич, вопрос о недостатке снарядов, винтовок и патронов возник в первые же месяцы войны. Мобилизационный запас снарядов, например, был израсходован в первые четыре месяца войны. Программа перевооружения была рассчитана на выполнение к 1917 г. Казенная военная промышленность не могла в достаточной степени обеспечить армию вооружением и боеприпасами, а переход частной промышленности на их производство был начат с опозданием. В результате русская армия оказалась неподготовленной к ведению крупномасштабных наступательных операций. В ноябре 1914 г. председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков сообщал с фронта, что «войска плохо кормлены, плохо одеты, завшивлены в конец, в каких-то гнилых лохмотьях вместо белья»[11].

Война легла непосильным бременем на экономику страны: в 1914 г. суточные расходы на войну составили 9 млн. руб., в 1915 – 24 млн. руб., в 1916 – 40 млн. руб., в 1917 г. – 55 млн., а всего военные расходы России за 1914 – 1917 гг. составили около 50 млрд. руб., именно таким был государственный долг России по подсчетам бывшего министра финансов Временного правительства А. И. Шингарева на середину 1917 г.[12].

Экономическая неподготовленность к войне была усугублена острым социально-политическим кризисом, расколом российского общества, нежеланием царизма пойти на уступки либеральной оппозиции.

Неслучайно, выступая 1 ноября 1916 г. на заседании Государственной думы, лидер партии конституционных демократов П. Н. Милюков назвал царское правительство главным виновником развала в стране как на фронте, так и в тылу. «Во французской «Желтой книге», – говорил он, – был опубликован германский документ, в котором преподавали правила, как дезорганизовать неприятельскую страну, как создать в ней брожение и беспорядки. Если бы наше правительство хотело намеренно поставить перед собою эту самую задачу или если бы германцы захотели употребить на это свои средства – средства влияния или средства подкупа, то ничего лучшего они не могли бы сделать как поступать так, как поступало русское правительство»[13].

Тем не менее, в этой речи будущего министра иностранных дел Временного правительства удивляет то, что тезис о дезорганизаторской работе противника выражен в предположительной форме («если бы германцы захотели…»), и нам в свою очередь остается предположить: либо П. Н. Милюков действительно ничего не знал об этой подрывной работе, либо для него было важнее «свалить» собственное правительство, которое он обвинял в «глупости» или «измене». Но более позднее признание коллеги П. Н. Милюкова и управляющего делами Временного правительства В. Д. Набокова заставляет все же предположить второе. «В какой мере германская рука активно участвовала в нашей революции, – это вопрос, который никогда, надо думать, не получит полного исчерпывающего ответа, – писал Набоков. – По этому поводу я припоминаю один очень резкий эпизод, произошедший недели через две, в одном из заседаний Временного правительства. Говорил Милюков, и не помню, по какому поводу, заметил, что ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту. Оговариваюсь, что не помню точных его слов, но мысль была именно такова и выражена она была достаточно категорично» [14].

Скорее всего, так оно и было: вставшему у власти Милюкову теперь не надо было скрывать то, о чем он знал ранее или в чем был тогда убежден. Думать же, что лидер кадетской партии просто забыл, о чем он говорил в ноябре 1916 г. с трибуны Государственной думы нет

[11] Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л., 1984. С. 543.

[12] Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной Думы. М. – Л., 1932. С. 248.

[13] IV Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия пятая. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Т. 1. Стб. 55 – 47.

[14] Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 22.

никаких оснований: память этому политику и историку редко изменяла, о чем можно судить по его воспоминаниям.

Показательно также с этой точки зрения и выступление в Москве в декабре 1916 г. другого видного деятеля кадетской партии, члена Государственной думы В. А. Маклакова. «Династия ставит на карту самое свое существование, – говорил он, – не разрушительными силами извне, а ужасною разрушительною работою изнутри она сокращает срок возможного, естественного своего существования на доброе столетие… Безумная власть пришла бы в величайший ужас, если бы она знала, услыхала, каким языком и что говорит деревня. Бог весть, какими путями, но ей немедленно стало известно все то, что знает в Петрограде каждая кухарка и дворник. И ужасное зерно истины деревня стала облекать в невероятные одежды легенды. И получается поистине кошмар. Интеллигенция, силясь понять явление, в ужасе перед развалом, все-таки не теряет до конца великодушия и говорит о болезни, о патологии, о психозе; деревня решает проще: она знает в оценке происходящего одно ужасное слово: «измена, предательство русского народа германцам» [15].

Но так думала не только деревня. Как показало изучение материалов перлюстрации в годы Первой мировой войны, треть всех корреспондентов связывала кризисное состояние России с закулисным влиянием, считала его даже решающим фактором политической и экономической жизни России. Образ «темных сил» эксплуатировался и левыми и правыми политическими кругами, вкладывавшими в него различное содержание. Более половины тех, кто писал о «вражеском влиянии», понимали под этим действия немецких «агентов». Даже депутат Государственной думы протоиерей А. И. Будрин писал из Петрограда своему родственнику в Пермь: «Уж так не во время эти внутренние распри, так некстати, что Боже сохрани, неужели и тут вражеские ковы германского покроя. Очевидно, да»[16]. Чтобы понять этот феномен, необходимо вернуться к началу войны, к тем новым политическим и идеологическим установкам, которые были приняты Николаем II и его правительством.

«Высочайшим» указом от 28 июля 1914 г. о правилах, которыми Россия будет руководствоваться во время войны, прекращалось действие всяких льгот и преимуществ, предоставленных в свое время подданным «неприятельских государств». Властям предписывалось задерживать тех из них, которые состоят на действительной военной службе или подлежат призыву, в качестве военнопленных, а также предоставлялось право высылать «вражеских» подданных из пределов России и отдельных местностей[17]. «Высочайше» утвержденное 19 ноября 1914 г. Положение Совета министров предписывало исключить подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ, товариществ и других подобных правительственных, общественных и частных организаций[18].

С первых же дней войны на страницах российской прессы стал формироваться неприглядный образ беспощадного и коварного врага. Кампания началась в связи с жестоким обращением немцев с оставшимися в Германии иностранцами. С началом крупномасштабных военных действий рассказы и слухи о «немецких зверствах» умножились. Поступавшие в связи с этим из Ставки в МИД России обширные материалы обрабатывались, а составленные на их основе памятные записки распространялись за границей[19].

Неудивительно поэтому, что и в России были случаи уличных эксцессов, вроде разгрома здания немецкого посольства в Петербурге. Министерство иностранных дел в своей доклад-

---

[15] Донесения Д. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 5. С. 28 – 29.

[16] Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 166.

[17] РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

[18] Там же. Л. 3об.

[19] Михайловский Г.Н. Записки. Из истории внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920. Кн. 1. М., 1995. С. 91.

ной записке Николаю II назвало этот факт «ужасающим и прискорбным событием». Однако, по свидетельству современников, случаев насилия в России было меньше, чем в других странах. Зато огульное отрицание всего немецкого перекинулось и на интеллигенцию: различные научные общества стали исключать из своей среды германских и австрийских ученых. Очень быстро это обличение всего немецкого обратилось и против немецких элементов внутри России.

Пресловутое «засилье немечества» стало слишком привлекательной темой, чтобы не свалить на вчерашних желанных союзников ответственности за все беды и неудачи России, а также поднять в массах шовинистические настроения. С этого времени проживавшие в России лица немецкой национальности рассматривались властями уже не просто как одна из категорий иностранцев и русскоподданных, а как подданные воюющей с Россией державы. Кроме того, резко изменилась внутриполитическая конъюнктура, и вчерашним высокопоставленным германофилам пришлось срочно открещиваться от прежних взглядов и искать способы демонстрации своего патриотизма. Поднятая шумиха вокруг «немецких привилегий» как нельзя лучше этому соответствовала. 10 октября 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков направил в Совет министров докладную записку «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования». В записке утверждалось, что «стремительное увеличение немецкого землевладения… должно было всячески содействовать подготовке германского военного нашествия на западные окраины», что проживавшие в приграничной полосе немцы обязаны были при наступлении германской армии «предоставить в ее распоряжение квартиры и фураж, а при требовании последнего для нужд русской армии – сжечь его»[20]. При этом никаких конкретных доказательств, подтверждающих эти обвинения, в записке не приводилось.

Однако приоритет в постановке вопроса о необходимости борьбы с «германизмом в русской жизни» принадлежал прессе. Наступательный характер здесь задавало «Вечернее время», которое 1 сентября 1914 г. напечатало открытое письмо «группы русских» с призывом к «бескровной борьбе с немецким началом в России». Редактор этой газеты Ф. Оссендовский (мы еще встретимся с ним неоднократно) впоследствии писал, что он «вел борьбу с германцами во всех отраслях нашей жизни, пользуясь материалами и денежными средствами, предоставленными Н. А. Второвым, А. И. Гучковым, польскими деятелями и др.»[21].

Столь же воинственные позиции занимало и «Новое время», наиболее значимым вкладом которого в борьбу с германизмом стала публикация списков сенаторов с немецкими фамилиями летом 1915 г. По свидетельству современника, «эффект этой публикации был тот, что Сенат подавляющим большинством высказался за лишение германских подданных судебной защиты»[22]. Большой общественный резонанс получили и напечатанные в «Русском Слове» две обширные статьи А. И. Куприна об «исконном бесправном 10-миллионном населении Прибалтийского края», попранном «господской пятой» нескольких «десятков баронских родов» и почти миллионом немцев-горожан[23]. В действительности все население прибалтийских губерний к этому времени не достигало и 5 млн., а проживавших там немцев насчитывалось около 150 тыс.[24]. В сознании обывателя настойчиво формировался образ внутреннего врага, повинного во всех бедах страны.

Увы, борьба с «немецким засильем» сразу же вышла из рамок «бескровной»: в результате имевшего место в мае 1915 г. погрома в Москве были разграблены и уничтожены многие

[20] РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 30. Л. 35 – 36

[21] Старцев В.И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994. С. 28.

[22] Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 155.

[23] См.: Русское слово. 1914. 29 и 30 окт.

[24] См.: Виграб Г.И. Прибалтийские немцы. Юрьев. 1916. С. 2.

мелкие торговые и ремесленные предприятия, владельцами которых были немцы[25]. В Петрограде активно действовало «Общество 1914 года», ставившее своей целью освободить «русскую духовную и общественную жизнь, промышленность и торговлю от всех видов немецкого засилья». Утверждая, что «нет ни одного уголка в России, нет ни одной отрасли, так или иначе не тронутой немецким засильем», идеологи общества видели причину этого «засилья», в «покровительстве немцам и всему немецкому со стороны правительственных кругов»[26].

Хотя подобные обвинения и были крайне преувеличены, они способствовали нагнетанию в обществе антинемецкой истерии, в связи с чем министр внутренних дел Н. Б. Щербатов был даже вынужден обратиться в августе 1915 г. к Государственной думе с просьбой «помочь прекратить травлю всех лиц, носящих немецкую фамилию», поскольку «многие семейства сделались за двести лет совершенно русскими»[27]. Дело доходило до того, что видным политикам приходилось менять фамилию. Так, бывший обер-прокурор Синода В. К. Саблер стал Десятовским. Известно, что пытался взять фамилию Панина (по матери) и Б. В. Штюрмер, назначенный в январе 1916 г. председателем Совета министров, в связи с чем французский посол в России М. Палеолог не преминул заметить в своем дневнике: «Происхождения он немецкого, как видно по фамилии. Он внучатый племянник того барона Штюрмера, который был комиссаром австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове св. Елены»[28].

Полную поддержку взятого правительством курса на ликвидацию в России «засилья немечества» выразил черносотенный лагерь, в котором германофильские настроения до войны были особенно сильны. Видевшие ранее в «старинных отношениях с Германией могучий оплот монархического принципа среди кругом бушующего моря революций»[29], правые теперь превратились в наиболее рьяных обличителей «германизма», именно их представители в Государственной думе внесли в августе 1915 г. предложение об образовании специальной «комиссии о всех мероприятиях по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни». Против этого предложения выступили социал-демократы и трудовики. «Нам предлагают бороться с немецким засильем, да еще во всех областях русской жизни, – заявил М. И. Скобелев. – Теперь, когда исчерпана тема засилья еврейского… нам преподносят новую теорию немецкого засилья». А. Ф. Керенский советовал черносотенцам «поостеречься с немецким засильем», так как эта тема «слишком опасна для тех, кому вы служите»[30]. В связи с этим «Новое время» ехидно замечало, что «крайний левый фланг испугался того, что этих виновников нашли, и также пытается отвлечь от того, что совершается у нас, в Петрограде и в России»[31].

В результате давления правых и равнодушия Прогрессивного блока в августе 1915 г. в Государственной думе была создана Комиссия «о борьбе с немецким засильем» во всех областях русской жизни. В свою очередь Совет министров выступил в марте 1916 г. с инициативой создания Особого комитета по борьбе с немецким засильем, во главе которого Николай II поставил сторонника решительной борьбы с «германизмом» генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова. Впрочем, в июне 1916 г. по настоянию Б. В. Штюрмера во главе Комитета был поставлен член Государственного Совета А. С. Стишинский, роль которого, по мнению одного из членов этого комитета, «заключалась в том, чтобы свести к минимуму всю борьбу с «с немецким засильем» и служить предохранительным клапаном для националистической печати. Как будто прави-

[25] Дякин В.С. Первая мировая воина и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья. // Первая мировая война. 1914 – 1918. М., 1968. С. 234.

[26] См.: 1914 год (Известия Общества 1914 года). 1916. 19 февр. и 19 марта.

[27] Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Т. 1. Стб. 436 – 437

[28] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 20.

[29] См., например: письмо В. М. Пуришкевича С. Д. Сазонову от 14 января 1914 г. // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 50.

[30] Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая. Стенографические отчеты. Аг., 1915. Т. 1. Стб. 404 – 411.

[31] Новое время. 1915. 4 авг.

тельство учреждением комитета объявляло решительную борьбу «германизму» в России, а на самом деле комитет сдерживал слишком усердных чиновников, которые могли понять буквально широковещательные меры правительства против германских подданных. Учреждением этого комитета и участием в нем представителей МИД достигалась и дипломатическая цель – успокоить союзников насчет намерений правительства в германском вопросе»[32].

Тем не менее нельзя не заметить, что неуемная жажда крайне правых как можно скорее покончить с неуловимым и таинственным «германизмом» нашла таким образом понимание на самом высоком правительственном уровне. «Вопрос о немецком засилье, – писало «Новое время» по поводу учреждения Особого комитета, – поставлен не вообще, не в смысле тех или иных влияний на политические и общественные круги России, но в смысле его теснейшей связи с делом войны, с нуждами обороны, с той глубоко продуманной систематичностью, с какой Германия по определенному плану пустила в ход все экономические силы, все влияние и захваты для того, чтобы обеспечить себе победу не только ударом на полях сражений, но и развалом или задержкой во внутренней работе России»[33].

Борьбой с «германским влиянием», разумеется, занимались и органы контрразведки, которым, впрочем, не было особенно чем похвастать. По свидетельству одного из сотрудников петроградской контрразведки, «не обладая средствами к раскрытию германского шпионажа, не имея для этого ни способного руководителя, ни опытных агентов, ни дельных сотрудников, контрразведовательное отделение было вынуждено заниматься делами, не имеющими абсолютно никакого отношения к раскрытию германского влияния»[34]. В контрразведку поступала масса доносов на «подозрительных лиц», что было связано в первую очередь с культивирующейся на страницах газет шпиономанией. Поэтому «почти всякий грамотный человек почитал своим долгом сообщать, кого он считает шпионом или германофилом: обвиняли в шпионаже министра Григоровича, Сувориных, Путилова, почти всех начальников заводов, работающих на оборону, всех генералов с немецкими фамилиями и пр. Фантазия обывателей работала невероятно: о радиотелеграфах, подготовке взрывов и пожаров сообщали ежедневно, что при проверке ни разу не подтверждалось»[35].

По доносам и обвинениям в германофильстве у контрразведки были тысячи подозреваемых в шпионаже, среди которых, как свидетельствует ее сотрудник, были «директора заводов, генералы, инженеры, присяжные поверенные, студенты наряду с рабочими, людьми неопределенных профессий; были католики, православные, лютеране, буддисты, были русские, эстонцы, латыши, китайцы (евреи, конечно, все попадали в списки заподозренных без различия, по какому поводу написан донос)… Для 9/10 этой публики не было абсолютно никаких причин к занесению их в списки германофилов, но для высшего начальства величина списков служила признаком продуктивности работы…»[36].

Шпиономания была напрямую связана и с поражениями русской армии в начале войны: командным верхам было выгодно сваливать собственные неудачи на «германских шпионов». Яркий тому пример судебные процессы, состоявшиеся в 1915 г. над военным министром В. А. Сухомлиновым и полковником С. Н. Мясоедовым. Показателен сам факт, с которого началось «дело» об измене Мясоедова, еще до войны обвиненного в шпионаже и затем оправданного[37]. В декабре 1914 г. в Петроград из Швеции вернулся подпоручик 25-го Низовского полка Я. П. Колаковский, который для того, чтобы выбраться из немецкого плена, предложил свои услуги

[32] Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 157 – 158.

[33] Новое время. 1916. 14 сент.

[34] Былое. 1924. № 26. С. 228 – 229.

[35] Там же. С. 232.

[36] Там же. С. 237

[37] См.: Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103 – 116.

в качестве шпиона. Вернувшись в Россию, Колаковский, явился с повинной и дал подробные показания по поводу полученного им задания. Он рассказал, что ему было поручено взорвать мост через Вислу за 200 тыс. руб., убить верховного главнокомандующего Николая Николаевича за 1 млн. руб. и убедить сдать крепость Новогеоргиевск ее коменданта тоже за 1 млн. руб. На третьем допросе Колаковский «вспомнил», что отправивший его в Россию с заданием сотрудник немецкой разведки лейтенант Бауэрмейстер советовал ему обратиться в Петрограде к отставному жандармскому полковнику Мясоедову, у которого он мог бы получить много ценных сведений для немцев. На следующем допросе Колаковский заявил, что «особо германцами было подчеркнуто, что германский генеральный штаб уже более 5 лет пользуется шпионскими услугами бывшего жандармского полковника и адъютанта военного министра Мясоедова». Известный историк К. Ф. Шацилло, проводивший уже историческое расследование этого «дела», пишет в связи с этим: «Итак, ничем не подтвержденным и явно сомнительным показаниям Колаковского поверили сразу же и безоговорочно. Особенно охотно с ними согласился верховный главнокомандующий Николай Николаевич. Человеку очень экспансивному, было очень лестно, что за его голову немцы обещали 1 млн. рублей»[38]. 18 февраля 1915 г. Мясоедов был арестован. При обыске его квартиры ничего подтверждающего его обвинение в шпионаже обнаружено не было; бесспорных фактов, уличавших Мясоедова в шпионаже, не было выявлено и в ходе следствия, и тем не менее по его делу было арестовано 19 его близких и дальних знакомых. Арестовали и обвинили в шпионаже даже его жену. В марте 1915 г. над Мясоедовым состоялся суд, который приговорил его к смертной казни через повешение. Предъявленные ему обвинения были бездоказательны и одно нелепее другого (например: «через посредство не обнаруженных лиц довел до сведения германских властей данные о перемещении одного из русских корпусов»[39]).

Затем пришла очередь военного министра В. А. Сухомлинова, которого связали с казненным «германским шпионом» Мясоедовым и приговорили к пожизненной каторге. Его сделали главным виновником тяжелых поражений русской армии в Восточной Пруссии, отступления весной 1915 г. из Галиции, прорыва фронта в Польше. Общественное мнение, настроенное с начала войны на борьбу с «немецким влиянием» и всем «германизмом», было удовлетворено хотя бы на время. Удовлетворен был и верховный главнокомандующий Николай Николаевич, давно и яро ненавидевший Сухомлинова, который в свое время приложил немалые усилия, чтобы ликвидировать возглавляемый Николаем Николаевичем государственный совет обороны.

Увы, очень скоро выяснилось, что дело было не в «продажном» военном министре, а гораздо глубже. А. А. Поливанов, назначенный военным министром вместо В. А. Сухомлинова, на секретных заседаниях Совета министров в августе 1915 г. признавал: «На театре военных действий беспросветно. Отступление не прекращается… Вся армия постепенно продвигается в глубь страны, и линия фронта меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры… По-прежнему ничего отрадного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности. Уповаю на пространства непроходимые, на грязь непролазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя святой Руси»[40].

Разумеется, революционные организации в полной мере использовали и тяжелые поражения русской армии и разоблачение «шпионов» в своей агитационной деятельности. Так, в одной из большевистских листовок, распространявшихся в Петрограде, говорилось: «Правительства воюющих стран никогда не прерывали дружеских отношений между собою, и, в случае революции в одной из них, они всегда соединятся для подавления рабочего класса

[38] Там же. С. 112.

[39] Там же. С. 114 – 115.

[40] Яхонтов А. Тяжелые дни // Архив русской революции. Т. 18. Берлин. 1926. С. 37.

и трудового крестьянства. Это подтверждает громкое дело полковника Мясоедова, начальника жандармской охраны на прусской границе, полковника Спиридовича, начальника личной охраны царя, генерала Фрейгат, бывшего редактора «Вестника полиции» генерала Фредерикса, барона Карпуса, чиновника болгарского посольства и 40 офицеров генерального штаба, продававших русскую армию немецкому правительству. Пусть каждый рабочий подумает, где нужно искать наших врагов: среди ли австрийских и германских солдат или среди русского и германского правительств…»[41].

В связи с этим работа контрразведки по борьбе с германской агитацией на военных заводах столицы была, по свидетельству ее сотрудников, бесполезной[42].

«Кому вы рассказываете свои басни о «немецких деньгах и агитаторах»? – отмечалось в другой большевистской листовке. – Если рабочему классу, так он только посмеивается над вашим завираньем, так как эти агитаторы работают рядом с ним за одним станком, а «немецкие деньги» рабочие урывают из своего скудного заработка. Быть может, вы хотите скрыть, что Россия подготовляется и уже накануне второй революции?»[43].

Приближение этой революции теперь предчувствовали все. Грани между «патриотами», «оборонцами» и «пораженцами» к началу 1917 г. если не стерлись, то и не бросались в глаза, ибо бельмом для всех была старая власть и, в первую очередь, царизм. Не только правых, но и общественное мнение в целом раздражало присутствие при дворе немцев, включая министра двора графа Фредерикса (который на самом деле был шведского происхождения). Такое покровительство служило доказательством того, что «немка» (императрица Александра Федоровна) на самом деле возглавляет «немецкую партию». Война, по свидетельству современников, в это время отошла куда-то на второй план, хотя ею и пользовались, чтобы обличить правительство: ведь и для «пораженцев» целью было не поражение как таковое, а свержение царской власти[44].

[41] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М., 1920. С. 157 – 158.

[42] Былое. 1924. № 26. С. 235.

[43] Шляпников А.Г. Указ. соч. С. 163.

[44] Ольденбург. Царствование Николая II. СПб., 1991. С. 598

Глава вторая. А. И. Деникин: «Появилось новое могучее средство борьбы»

Глубочайший социально-экономический и политический кризис, охвативший Россию в годы войны, стимулировал и облегчал проведение против нее подрывной работы со стороны Германии, хотя и другие воюющие страны, разумеется, занимались такой деятельностью тоже. «Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы – пропаганда, – писал генерал А. И. Деникин. – Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франции и Америки, в особенности Англии, вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и … валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские и нейтральные, внося ее в области военную, политическую, моральную и экономическую»[45].

Разумеется, каждая из воюющих сторон стремилась обвинить в подрывной работе противоположную. Если А. И. Деникин сожалел впоследствии, что Россия не использовала это «новое могучее средство борьбы», то министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин утверждал в своих мемуарах, что Россия стала укреплять свое влияние в Румынии еще до начала Первой мировой войны. «Задолго до войны, – писал он, – она не жалела миллионов для того, чтобы создать настроение в свою пользу. Большинство газет было закреплено за русскими, многие лица, игравшие выдающиеся роли в политической жизни страны, были связаны с русскими интересами, в то время как Германия и Австро-Венгрия совершенно пренебрегали этими подготовительными работами. Оттого-то Россия и имела с самого начала войны громадное преимущество перед центральными державами, – преимущество, которое впоследствии стало труднее отбить, что с первого же дня войны Россия еще шире раскрыла свои золотые шлюзы, и Румыния была затоплена рублями»[46].

Но если это и правда, то это всего лишь частный случай в сравнении с той пропагандистской кампанией, которая была развернута Германией. По данным Ю. Г. Фельштинского, Германия потратила на так называемую мирную пропаганду по крайней мере 382 млн. марок, причем до мая 1917 г. на Румынию или Италию средств было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало, между прочим, и Румынии и Италии выступить потом в войне на стороне Антанты. Десятки миллионов марок были истрачены на подкуп четырех газет во Франции[47].

Не имея возможности соперничать с английской и французской пропагандой, Германия сконцентрировала свои усилия на Восточном фронте, против России. Эта подрывная работа шла в самых различных направлениях – политическом, военном, социальном и др. Немецкие спецслужбы вели активную революционную и сепаратистскую пропаганду в лагерях военнопленных. С этой целью были созданы «Комитет революционной пропаганды» в Гааге, «Союз освобождения Украины» в Австрии, «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австрии» (Женева). Одновременно предпринимались попытки наладить издание и распространение пропагандистской литературы в самой России. Но особых успехов, если судить по документам, здесь достигнуто не было. Руководитель германской контрразведки Штейнвакс, отчитываясь в мае 1916 г. о полученных им в апреле 1915 г. 150 тысячах марок, выданных Министерством иностранных дел на русскую пропаганду, мог ука-

[45] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Париж, 1921. С. 65.

[46] Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. Пер. с нем. М. – Пг., 1923. С. 123.

[47] Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. Лондон. 1991. С. 53.

зать на ряд важных информационных листков и небольших брошюр, которые были переправлены его агентами в Россию. Глава контрразведки ставил себе в заслугу организацию «информационной службы на вокзале в Стокгольме, которая информирует русских, едущих из Америки и Канады, как избежать мобилизации в русскую армию, или, если мобилизация неизбежна, убеждает их иллюстративными материалами и устно, что русские пленные в Германии находятся в хороших условиях». Испрашивая очередные 150 тысяч марок на русскую пропаганду, Штейнвакс, между прочим, включил в них и «расходы на перевод и издание на нескольких языках книги, описывающей положение в России на основании выступлений русских членов Думы»[48].

Особые усилия Германии были направлены на достижение сепаратного мира с Россией. Начальник Германского генерального штаба генерал Фалькенгайн в ноябре 1914 г. признавался: «Пока Россия, Франция и Англия выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Или Россия или Франция должны быть отколоты. Прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы вынудить к миру Россию». В то же время статс-секретарь иностранных дел Ягов обращается к бывшему послу Германии в Петербурге Пурталесу с просьбой найти возможность связаться с кем-нибудь из хорошо знакомых русских с тем, чтобы попытаться внести разлад между вдовствующей императрицей, царем, великими князьями и генералитетом. При этом он предупреждал: «Само собой разумеется, мы не должны даже показать, что мы хотим заключить мир»[49]. В конце декабря в Берлин поступило сообщение из Петрограда о том, что «влияние графа С. Ю. Витте вновь растет», и канцлер Бетман-Гольвег просит генерального директора судостроительной компании «Гамбург-Америка лайн» А. Баллина установить контакт с Витте и передать ему «голубя с оливковой ветвью»[50]. Баллин обещал связаться с Витте через его доверенное лицо, которое, по его утверждению, уже много лет, находится «на нашем содержании»[51]. С такой же просьбой обратился к немецкому банкиру Р. Мендельсону и статс-секретарь иностранных дел Ягов. Заметив, что Витте вряд ли откликнется, Мендельсон тем не менее представил Ягову проект письма, в котором после сетований на невозможность из-за «этой ужасной войны» распоряжаться финансовыми фондами в России и обещаний «сохранить в неприкосновенности» вклады Витте в Германии, следовал вопрос – не считает ли бывший премьер-министр России, что он мог бы убедить общественное мнение своей страны в том, что «война длится уже достаточно долго»[52]. Витте в своем ответе был достаточно осторожен, и единственное средство приблизиться к миру он видел в «чистосердечном объяснении двух императоров» и в предложениях, которые могли бы дать «удовлетворение и полные гарантии на будущее России и Франции»[53].

Посланный в феврале 1915 г. с посреднической миссией в Петроград государственный советник Дании Андерсен вернулся с неутешительными новостями. Он сообщил, что после его бесед с Николаем II, министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, С. Ю. Витте и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, лишь последняя заверила его в своей готовности «работать» в пользу мира, а все другие – «от царя до министра иностранных дел – идею сепаратного мира с Германией напрочь отвергают»[54].

---

[48] L'Allemagne et les problems de la paix pendant la premiere guerre mondiale: Documents extracts des archives de l'Office allemand des Affaires etrangeres. Publ. et annotes par Scherer et Grunewald. T. 1 Paris. 1962. P. 15.

[49] Ibid. P. 10 – 11.

[50] Ibid. P. 37.

[51] Ibid. P. 39 – 40.

[52] Ibid. P. 38 – 39.

[53] Ibid. P. 62, 64.

[54] Ibid. P. 70, 72, 73.

Для работы в пользу сепаратного мира была привлечена и фрейлина императрицы Александры Федоровны княгиня М. А. Васильчикова, которая с началом войны осталась в своем имении в Австрии. В марте – мае 1915 г. она обратилась к Николаю II с тремя письмами, в которых сообщала о стремлении Германии восстановить мир с Россией на выгодных для нее условиях и предлагала организовать в какой-либо нейтральной стране сепаратные переговоры о мире между ними. Все три письма остались без ответа. А на телеграмму датского короля Христиана X дать ответ на его предложение направить в Копенгаген доверенное лицо для переговоров в начале июня 1915 г. был получен «негативный ответ»[55]. Также безрезультатно закончился и второй визит в Петроград в июле 1915 г. государственного советника Дании Андерсена, снова встречавшегося с царем и министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. Как сообщал из Копенгагена немецкий посланник Брокдорф-Ранцау в МИД Германии, «склонности к сепаратному миру Андерсен не нашел»[56]. Прибывшая в декабре 1915 г. в Петроград с посреднической миссией княгиня М. А. Васильчикова не только не была принята царем, но и лишена придворного звания и выслана в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернию[57].

Определенные надежды на достижение сепаратного мира с Россией у немецкой стороны забрезжили в связи с отставкой министра иностранных дел С. Д. Сазонова и назначением на этот пост в июле 1916 г. Б. В. Штюрмера, известного своими германофильскими настроениями. Барон Б. Э. Нольде, возглавлявший юрисконсультскую часть МИД, считал это назначение Штюрмера «темным» с точки зрения дипломатического смысла и связывал это с какими-то планами в отношении сепаратного мира[58]. В конфиденциальном разговоре с другим высокопоставленным сотрудником юрисконсультской части МИД в сентябре 1916 г. Штюрмер без обиняков спросил, «сколько времени потребовалось бы нашей части на изготовление мирного договора»[59]. Интересно в этой связи отметить, что еще в мае 1916 г. в Стокгольме объявился известный авантюрист И. И. Колышко, сделавший в свое время карьеру под покровительством князя В. П. Мещерского и бывший чиновником по особым поручениям у Витте в бытность последнего министром путей сообщения и его литературным агентом. В частных беседах с сыном крупного немецкого промышленника Гуго Стиннеса Колышко заявил, что накануне своего отъезда в Стокгольм он имел две встречи с Штюрмером, с которым обсуждались приемлемые для России условия мира[60].

Хотя некоторые исследователи и склонны верить, что за спиной Колышко действительно стоял Штюрмер, специально добившийся отставки С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел, чтобы развязать себе руки в вопросе о сепаратном мире с Германией, есть серьезные основания в этом сомневаться. Бывший шеф Колышко, С. Ю. Витте писал о нем в своих воспоминаниях, что будучи несомненно способным чиновником, он «держит себя при этом похлестаковски, т. е. придает положению, которое он имеет в Петербурге, совсем несоответствующее значение; он играл роль человека, как будто бы имеющего большое влияние, одним словом, изображал из себя очень важного петербургского чиновника, чего на самом деле, конечно, не было»[61].

---

[55] Ibid. P. 110, 111, 113 – 114.

[56] Ibid. P. 145.

[57] См.: Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии: по новым документам. М. – Л., 1926. С. 32 – 35; Евдокимова Н.П. Между Востоком и Западом. Проблемы сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914 – 1917 гг. Л., 1985. С. 47 – 65.

[58] Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920. Кн. 1. М., 1993. С. 198.

[59] Там же. С. 194.

[60] L'Allemagne et les problems de la paix pendant la premiere guerre mondiale… T.1. P.371 – 372.

[61] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. Царствование Николая II. М., 1960. С. 577.

Точно так же, по-хлестаковски, Колышко вел себя и на переговорах в Стокгольме. Как отмечается в немецких источниках, он представился германскому послу в Стокгольме Люциусу как «русский статский советник Иосиф фон Колышко, заместитель министра финансов при графе Витте и личный доверенный последнего, живущий с начала войны в Стокгольме и пользующийся славой либерального русского писателя…»[62].

Слава «либерального русского писателя» не помешала однако Колышко предложить свои услуги в качестве платного германского агента: он выразил готовность вести в России через газету «Русское слово» пронемецкую мирную пропаганду, но находившийся в Копенгагене немецкий посланник Брокдорф-Ранцау рекомендовал осторожно отнестись к Колышко и его планам[63]. В июле 1916 г. Колышко снова появился в Стокгольме, на этот раз вместе с князем Бебутовым. В ходе переговоров с немецким резидентом Бокельманом они предложили организовать в России издательство, которое стало бы центром пронемецкой пропаганды. Вовлеченный во все детали борьбы за достижение сепаратного мира Гуго Стиннес согласился одолжить МИД Германии 2 млн. рублей на финансирование такого издательства в России[64]. Но точных данных о том, как и на что были истрачены эти деньги, нет, высказанное же заинтересованными лицами предположение о том, что часть этих денег была передана М. Горькому на издание газеты «Новая жизнь»[65], представляется необоснованным. Однако Колышко на этом не остановился: в марте 1917 г. он запросил о срочной встрече в Стокгольме с членом рейхстага М. Эрцбергером на том основании, что «новое русское правительство потребовало, чтобы он немедленно вернулся в Россию, где он будет введен в состав правительства»[66] (!). На прощание этот «почти член правительства» давал заочно несколько советов рейхсканцлеру для выступления в рейхстаге: «1. Германия не вмешивается во внутренние дела России. Русский народ, завоевавший сейчас политическую свободу, может не опасаться Германии. 2. Немецкое правительство не ведет войну против русского народа как такового. 3. Германия не навязывает России позорного мира. По крайней мере при таком положении нельзя слишком настойчиво выдвигать на первый план идею сепаратного мира, скорее следует работать в другом направлении: чтобы Россия пришла к выводу, что она получит почетный мир, тогда она будет вести разговор со своими союзниками. И все прочее тогда уладится само собой»[67]. Выражая готовность сотрудничать и в дальнейшем именно с М. Эрцбергером, Колышко заявил, что он «ни в коем случае не желает иметь дела с господином Стиннесом, который уже не раз посещал его и предлагал ему 15 миллионов на создание русских газет»[68]. Остается только добавить, что летом 1917 г. этот соискатель миллионов был арестован в России по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Случайная встреча в Стокгольме в июле 1916 г. немецкого банкира Варбурга с заместителем председателя Государственной думы А. Д. Протопоповым и членом Государственного совета Д. В. Олсуфьевым, возвращавшимися в Петроград в составе парламентской делегации, также не прибавила оптимизма германской стороне в вопросе о возможности заключить сепаратный мир с Россией. В отчете об этой встрече Варбург мог лишь высказать свое впечатление о том, что его собеседники были согласны с ним в том, что «продолжение войны бессмыс-

---

[62] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. – Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский. М., 1995. С. 287.

[63] Там же. С. 399.

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] Там же. С. 287.

[67] Там же. С. 290.

[68] 68

ленно», предпочитая при этом задавать вопросы и воздерживаться от изложения собственной позиции[69].

По ознакомлении с отчетом об этой встрече статс-секретарь иностранных дел Ягов сделал такую помету: «Эти русские полностью выдоили Варбурга, а сами так ничего и не сказали»[70].

Таким образом, предпринимавшиеся правящими кругами Германии попытки склонить Россию к заключению сепаратного мира, опираясь на деловые и финансовые круги, на политических деятелей и случайных посредников не принесли желанного результата. В связи с этим начальник штаба Восточного фронта генерал Э. Дюдендорф писал: «В возможность мира с Россией никто не верил, имперский канцлер высказался в том духе, что в настоящий момент не имеется никаких видов на сепаратный мир с Россией»[71].

Впрочем, оставался еще один канал, который при стечении благоприятных обстоятельств можно было бы использовать в этих целях, – русские революционеры в эмиграции, и к их «разработке» были привлечены политические деятели, дипломатические работники, финансовые магнаты, военное руководство и контрразведка.

Как известно, радикальное крыло русских революционеров-эмигрантов открыто выступало за поражение России в Первой мировой войне, и в их адрес и в первую очередь Ленина и большевиков высказано со стороны политиков, публицистов, историков немало гневных обвинений в «измене» и «предательстве», их заклеймили как агентов Германского генерального штаба, продавшихся за «немецкое золото». Одни писали об этом по глубокому убеждению, что так оно и было, другие страстно верили, что иначе и не могло быть, третьи лукавили сознательно, и лишь немногие действительно хотели докопаться до истины. Здесь представляется оригинальной точка зрения Ю. Г. Фельштинского, который пишет: «Германия смотрела на русских революционеров как на подрывной элемент и рассчитывала использовать их для вывода России из войны. Удержание социалистов у власти после окончания войны, видимо, не входило в планы германского правительства. Революционеры же смотрели на помощь, предложенную германским правительством, как на средство для организации революции в России и во всей Европе, прежде всего в Германии. Германское правительство знало, что главной задачей социалистов была организация революции в Германии. Революционеры знали, что правительство Германии не желает допустить прихода к власти немецких социалистов, а русских революционеров рассматривает как орудие для реализации собственных империалистических планов. Каждая из сторон надеялась переиграть другую. В конечном итоге, в этой игре победила ленинская группа, переигравшая всех, в том числе и Парвуса, родоначальника идеи германо-большевистского сотрудничества»[72]. Но чтобы принять эту точку зрения, необходимо, по крайней мере, иметь веские доказательства в пользу того, что такая игра имела место на самом деле. А что если в этой игре с самого начала все козыри находились в руках одной стороны, в то время как другая об этом даже и не подозревала? Наконец, не построена ли логика этой концепции на ретроспективном подходе, основанном на конечном результате, т. е. на победе Ленина и большевиков в октябре 1917 г.? Чтобы ответить на эти отнюдь не риторические вопросы, необходимо объективно оценить силы соперников-союзников и в первую очередь возможности и способности ключевых игроков – Ленина и Парвуса, которых, как правило, зачисляют в одну команду без серьезных на то оснований.

Начать надо с Парвуса (А. Л. Гельфанда), который родился на три года раньше Ленина, раньше проявил себя на революционном поприще и еще в 90-е гг. законспирировался, став Парвусом, что в переводе с латинского означает «молодой», «скромный», «незаметный». На

---

[69] L'Allemagne et les problems de la paix pendant la premiere guerre mondiale… T. 1. P. 393.

[70] Ibid. P. 391.

[71] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914 – 1918. Т. 1. М., 1923. С. 320.

[72] Фельштинский Ю.Г. От редактора-составителя. – Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 235.

самом деле он очень скоро стал заметной фигурой, его кипучая энергия проявилась в самых разных направлениях, его бурная жизнь прошла через взлеты и падения, но в результате он оставил о себе недобрую славу. Писавшие о Парвусе называли его «злым гением» (С. П. Мельгунов), «злодейски талантливым» человеком (Волкогонов) и т. д. По характеристике современного исследователя О. Ф. Соловьева, Парвус «был и революционером, и издателем, и публицистом, и предприимчивым дельцом, и интернационалистом, великогерманским шовинистом, ставшим эмиссаром правительства рейха»[73]. Опубликованная об этой неоднозначной личности обширная литература, в которой выделяется вышедшая в 1964 г. в Кельне книга А. З. Земана и В. Б. Шарлау «Купец революции. Парвус-Гельфанд: политическая биография», избавляет нас от необходимости искать «темные стороны» и ликвидировать «белые пятна» его бурной жизни. Поэтому мы коснемся лишь тех эпизодов его жизни, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Израиль Лазаревич Гельфанд родился в 1867 г. в местечке Березино Минской губернии в семье еврейского ремесленника. Учился в гимназии в Одессе, где примыкал к народовольческим кружкам. В 19 лет он приехал в Цюрих, где познакомился с видными членами марксистской группы «Освобождение труда» – Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и скоро сам стал марксистом. С 1887 по 1891 г. Гельфанд учился в Базельском университете, по окончании которого получил звание доктора философии. Затем он перебрался в Германию, вступил здесь в социал-демократическую партию, встречался со многими ее лидерами. Живя в Штутгарте, он сотрудничал в журнале, издававшемся К. Каутским, но из-за преследований германской полиции был вынужден переезжать с места на место: Берлин, Дрезден, Мюнхен, Лейпциг… В 1897 г. в Дрездене Парвус стал главным редактором «Саксонской рабочей газеты», на страницах которой он резко выступал против Э. Бернштейна, называя его «предателем». Эти статьи получили одобрение и поддержку у Плеханова, Мартова, Потресова и Ленина. Последний обратил внимание и на вышедшую книгу «талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвуса», – «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис», опубликовав на нее в 1899 г. весьма одобрительную рецензию, в которой усиленно рекомендовал ее «всем читателям, интересующимся отмеченными вопросами»[74]. В письме А. Н. Потресову 26 января 1899 г. Ленин писал: «Насчет Parvus'a – я не имею ни малейшего представления об его личном характере и отнюдь не отрицаю в нем крупного таланта»[75].

Впервые Ленин и Парвус встретились в Мюнхене, где издавалась «Искра», и неудивительно, что «талантливый германский публицист» очень скоро стал ее сотрудником. В письме П. Б. Аксельроду Ленин специально отмечает, что в четвертый номер «Искры» есть статья Парвуса «Самодержавие и финансы»[76]. Правда, сам Парвус смотрел на своих обожателей свысока и даже как-то бросил реплику: «Не умеете вы быть редакторами»[77].

Опубликованная Парвусом в 1904 г. в «Искре» серия статей «Война и революция» утвердила за ним репутацию талантливого и проницательного публициста и политика. Он предсказал неизбежное поражение России в войне с Японией и как следствие грядущую русскую революцию, которая, по его мнению, должна была расшатать основы капиталистического мира, а русский рабочий класс должен был выступить в роли авангарда в мировой социальной революции. Марксистская теория «перманентной революции» обрела таким образом под пером Парвуса новое и конкретное содержание, и познакомившийся с нею молодой Л. Д. Троцкий сразу же стал ее пламенным поборником, а сам Парвус открылся ему как «выдающаяся марк-

[73] Соловьев О.Ф. Парвус: политический портрет // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 185.

[74] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 61.

[75] Там же. Т. 46. С. 21.

[76] Там же. С. 101.

[77] Там же. С. 151

систская фигура». Они познакомились в Мюнхене в начале 1905 г. Известный уже журналист и политик сразу же поддержал своего младшего коллегу, написав предисловие к его брошюре «До 9-го января». А через несколько месяцев в октябре 1905 г. Парвус приехал из Германии в Петербург и сразу же с вокзала отправился к своему другу и ученику Троцкому. Для Парвуса это был «звездный час» в его революционной карьере: вместе с Троцким он вошел в состав Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов, его пламенные речи и радикальные призывы к борьбе против царизма снискали ему большую популярность. Как один из организаторов революционных выступлений в Петербурге и руководителей Совета рабочих депутатов Парвус был арестован, осужден и сослан в Сибирь, откуда ему удалось бежать сначала в Петербург, а затем перебраться в Германию. Свои приключения он описал в яркой форме в книге «По тюрьмам во время революции. Побег из Сибири».

Не игравший сколько-нибудь заметной роли в революции 1905 г. Ленин был вынужден петь дифирамбы «меньшевику Парвусу» за «прекрасную статью» в «Искре», за «якобинскую постановку вопроса об организации революции»[78]. Впрочем лидер большевиков не упустит в октябре 1905 г. представившегося случая одернуть Парвуса за парламентские иллюзии в эпоху революционной борьбы, за «тактику мелочных сделок» и даже назовет его за это «пошляком»[79]. Несколько позднее Ленин подвергнет Парвуса резкой критике за «полнейшее незнание русских политических вопросов», за отказ бойкотировать так называемую булыгинскую думу[80], и с этого времени между ними начнется расхождение и охлаждение, хотя близких отношений у них не было никогда[81].

Парвус же, вкусив славы революционного трибуна, пройдя тюремные посиделки и побывав в сибирской ссылке, охладел к судьбе революционной России, стал активно заниматься коммерческой деятельностью и посредничеством. Но здесь в погоне за земными радостями и в силу своего бурного темперамента он совершил проступок, последствия которого круто изменили его судьбу. Будучи в течение ряда лет успешным литературным агентом М. Горького в Германии, Парвус собрал за пьесу «На дне» значительную сумму – более 100 тысяч марок – большая часть которой должна была по договору поступить в партийную кассу социал-демократов. Но вместо денег он прислал «буревестнику революции» письмо, в котором уведомлял, что деньги ушли на его путешествие с «дамой сердца». Состоявшийся в начале 1908 г. третейский суд в составе К. Каутского, А. Бебеля и К. Цеткин морально осудил Парвуса, поставил его вне рядов российского и германского социал-демократического движения.

В результате недавний революционер оказался в Константинополе, где, по словам одного из его биографов, «началась самая сенсационная глава жизни этого человека»[82]. Об этой главе длиною в пять лет доподлинно известно немного, а все остальное из области слухов и предположений. По имеющимся сведениям, Парвус с 1911 г. стал агентом немецкого Генерального штаба и в качестве такового был послан как военный корреспондент в Константинополь, где был прикомандирован к немецкому генералу Лиману фон Сандерсу. Здесь ему была предоставлена возможность заключать выгодные контракты по хлебным поставкам и зарабатывать на этом большие деньги[83]. Он гордился заключенной сделкой с Россией по доставке зерна, которая, по его утверждению, спасла режим «младотурок» от катастрофы. Возможно поэтому он стал не только миллионером, но и советником правительства «младотурок», а совсем не потому, что один из его лидеров Мехмет Талаат, с которым Парвус был хорошо знаком, являлся

[78] Там же. Т. 9. С. 264 – 273.

[79] Там же. Т. 47. С. 87.

[80] Там же. Т. 11. С. 251.

[81] Показательно в этом отношении, что в опубликованных в 1999 г. «Неизвестных документах» В. И. Ленина за 1891 – 1922 гг. нет даже упоминания имени Парвуса.

[82] Шуб Д. Купец революции. Парвус и германо-большевистский заговор // Новый журнал. Кн. 87. Нью-Йорк. 1967. С. 50.

[83] Александров С. Немецкий агент Парвус. – Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 114.

великим мастером образованной в 1909 г. ложи «Великий Восток Турции». Одновременно Парвус занимался и контрабандой немецкого оружия устаревших образцов, пользовавшегося на Балканах большим спросом. С началом Первой мировой войны он стал активно работать в пользу Германии, агитируя общественное мнение Турции за участие в войне на стороне центральных держав. Как бы то ни было, надо отдать должное его острому уму, практической хватке, предприимчивости и авантюрному характеру. Как мне представляется, финансовые успехи Парвуса есть блестящее подтверждение мысли Ф. М. Достоевского о том, что «из правдоискателей и бунтарей такие деловые шельмы вдруг вырабатываются, что понимающие люди только языком на них в остолбенении пощелкивают». Переход Парвуса в новое качественное состояние, так сказать, на другую сторону классовых баррикад, изменил весь его образ мысли и поведения, обнажил скрываемые ранее черты характера, сделал его в глазах бывших соратников «сутенером империализма» (Э. Бернштейн), «негодяем» и «авантюристом» (Ленин), а для будущих биографов он станет таинственной фигурой. Всей своей предшествующей трудной и бурной деятельностью Парвус был подготовлен к любым превратностям судьбы, в том числе и к очередному резкому повороту, который произошел в его жизни с началом Первой мировой войны.

Эхо артиллерийской канонады еще не докатилось до Константинополя, а Парвус уже утратил интерес к турецкой экономике и вновь ударился в политику, чтобы не только напомнить о себе, но и извлечь пользу из новой ситуации. Он открыто принимает сторону Германии и начинает активно действовать в ее пользу. В своем обращении к русским революционерам и социалистам он призывал их способствовать поражению России в интересах европейской демократии. В январе 1915 г. Парвус добился встречи с германским послом в Константинополе фон Вагенхеймом, которого посвятил в свой план действий. Главный тезис этого плана состоял в том, что «русские демократы могут достичь своих целей только путем полного уничтожения царизма и разделения России на более мелкие государства. С другой стороны, Германия тоже не добьется полного успеха, если не разжечь в России настоящую революцию. Но и после войны Россия будет представлять собой опасность для Германии, если только не раздробить Российскую империю на отдельные части. Следовательно, интересы Германии совпадают с интересами русских революционеров, которые уже ведут борьбу…»[84]. Этот план произвел на германского посла должное впечатление, и потому, реагируя на просьбу Парвуса предоставить ему возможность ознакомить Берлин с его планом, Вагенхейм телеграфировал своему руководству о желательности контакта с «известным русским социалистом и публицистом» доктором Гельфандом[85]. Германское руководство сразу же заинтересовалось этим планом, и статс-секретарь иностранных дел Ягов прямо из Ставки сообщил в МИД, что на встречу с Парвусом в Берлине будет направлен сотрудник имперской канцелярии Рицлер[86].

В марте 1915 г. Парвус прибыл в Берлин с пространным планом действий – «Подготовка массовой политической забастовки в России», который под названием «Меморандум д-ра Гельфанда», известен теперь не менее, чем «Апрельские тезисы» Ленина или «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона. Будучи впервые опубликованным в книге З. А. Земана и В. Б. Шарлау «Купец революции», этот документ затем многократно перепечатывался во многих зарубежных и отечественных изданиях. И он стоит того! Ибо это своеобразный литературный памятник революционной эпохи, пособие по организации революции в экстремальных условиях войны, и его можно и даже нужно изучать как исторический источник. Представленный в «Меморандуме д-ра Гельфанда» план действий поражал своей масштабностью, грандиозностью общего замысла и вместе с тем не казался на первый взгляд фантастическим,

[84] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. С. 238.

[85] Там же. С. 238 – 239.

[86] Там же. С. 239.

поскольку основывался на конкретно-историческом анализе социально-политической обстановки в России того времени. Надо отдать должное его автору, он использовал в нем не только личный опыт 1905 г., но и новую ситуацию, возникшую в годы войны. Документ начинался с главной цели – подготовить и провести в России весной следующего года массовую политическую забастовку под лозунгом «Свобода и мир». «Центром движения, – говорилось далее, – будет Петроград, а в самом Петрограде – Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна прервать железнодорожное сообщение между Петроградом и Варшавой и Москвой и Варшавой и парализовать Юго-Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет проведена прежде всего в крупных центрах с большим количеством рабочих в железнодорожных мастерских. Чтобы сделать забастовку всеобщей, следует взорвать железнодорожные мосты, как это было во время забастовочного движения 1904 – 1905 годов»[87]. В меморандуме подчеркивалось, что эту цель можно достигнуть «только под руководством русских социал-демократов» и тут же содержались конкретные предложения, как привлечь их к этому на основе компромисса между политическими партиями и течениями. Особое внимание предлагалось уделить революционной агитации через печать. Автор документа не боялся дать прогноз и на будущее: «Если революционное движение достигнет значительных масштабов и даже если у власти в Петрограде останется царское правительство, можно сформировать временное правительство для обсуждения вопроса о перемирии и мирном договоре и для начала дипломатических переговоров»[88]. Наряду с рекомендациями по технической подготовке восстания в России (послать в Сибирь несколько энергичных и хорошо обученных и снаряженных агентов со специальным заданием взорвать железнодорожные мосты, чтобы помешать поставке оружия из Америки, разработать план сопротивления восставшего населения Петрограда и др.) в меморандуме содержалось предложение о финансовой поддержке «для группы большевиков в российской социал-демократической партии, которая борется против царизма всеми доступными средствами. Ее вожди находятся в Швейцарии»[89].

«Меморандум д-ра Гельфанда» убедил статс-секретаря иностранных дел Ягова просить министра финансов о выделении 5 млн. марок «на революционную пропаганду в России»[90]. Но он произвел сильное впечатление не только на политических и военных руководителей Германии, но и на некоторых историков, которые содержавшиеся в нем намерения связали напрямую с реальными событиями в Петрограде в февральские дни 1917 г. По мнению автора книги «Февральская революция» американского историка Г. Каткова, массовое движение такого масштаба и такой энергии не могло произойти без некой направляющей силы, стоящей за ним. «Допуская, что вся правда нам недоступна, – пишет он, – мы не имеем все-таки права прикрывать наше незнание фразами о стихийном движении и „чаше терпения рабочих“, которая „переполнилась“. Кто-то должен был пустить слухи о нехватке хлеба (хотя хлеба было достаточно); кто-то должен был спровоцировать нереальное требование рабочих о повышении зарплаты на 50 % (которое было отвергнуто, что и вызвало забастовку); кто-то должен был выдать бастующим рабочим деньги на жизнь и выбросить именно те лозунги, о которых один из рабочих мрачно сказал: „Они хотят мира с немцами, хлеба и равноправия евреев“«[91]. Серьезный исследователь вряд ли может основываться на подобных допущениях, которые под пером других авторов уже превращаются в «факты» подрывной деятельности германских агентов, подготовленных Парвусом. Правда, другие считают, что этими агентами были люди британского посла в Петрограде Бьюкенена, действовавшего по указанию влиятельного политика и банкира

[87] Там же. С. 239.

[88] Там же. С. 250.

[89] Там же. С. 250 – 251.

[90] Там же. С. 253.

[91] Катков Г. Февральская революция. Париж. 1984. С. 255 – 264.

лорда Мильнера, который потратил на свержение самодержавия в России более 20 млн. рублей[92].

Удивительное совпадение, но именно столько, 20 млн. руб., запросил Парвус у немцев «для полной организации русской революции», которую он назначил на январь 1916 г.[93]. А пока же он считал возможным удовлетвориться 1 млн. рублей, который ему требовался для передачи через своего агента в Петроград для проведения там подрывной работы[94]. Организуя русскую революцию из Копенгагена, где его опекал немецкий посланник Брокдорф-Ранцау, Парвус наведался в декабре 1915 г. в Берлин, где, по его словам, был «необычайно вежливо принят во всех самых важных государственных учреждениях», после чего «у него создалось впечатление, что его предложения были встречены с одобрением во влиятельных кругах министерства иностранных дел и финансов»[95]. Увы, здесь Парвусу пришлось значительно усилить свое «впечатление», чтобы достойно выглядеть в глазах своего шефа и получить желанный миллион. Министр финансов Гельферих в своем письме заместителю статс-секретаря иностранных дел Циммерману 26 декабря 1915 г. писал: «На самом деле я обошелся с Гельфандом более сдержанно, чем он изобразил это в Копенгагене. По-моему, он слишком нафантазировал в своих планах, особенно в так называемом финансовом плане, в котором мы вряд ли сможем участвовать. С другой стороны, стоит обсудить вопрос о предоставлении в его распоряжение 1 млн. рублей, который он просит для пропаганды»[96]. Распорядившись тогда же о выдаче Парвусу 1 млн. рублей, статс-секретарь иностранных дел Ягов счел необходимым «сообщить графу Ранцау, что д-р Гельферих относится к фантастическому финансовому плану Гельфанда отнюдь не так сочувственно, как тот думает»[97].

Но наступил январь 1916 г., а никаких известий о назначенной Парвусом на это время революции из России не поступало. Немецкому посланнику в Копенгагене пришлось давать по этому поводу объяснения самому канцлеру. Как сообщал 25 января 1916 г. Брокдорф-Ранцау в Берлин, выделенная сумма в 1 млн. руб. уже доставлена в Петроград и используется по назначению. Гельфанд, оказывается, «настаивал приступить к действиям 22 января». Однако его агенты решительно отсоветовали ввиду того, что «за последние два месяца политическая ситуация изменилась так, что выступать немедленно было бы неразумно»[98]. Разумеется, автором появившихся «новых политических обстоятельств» был сам Парвус, и только ему могла прийти в голову идея свалить вину за несостоявшееся восстание в Петрограде на правых. «В революционном лагере опасаются, – отмечалось в сообщении Брокдорфа-Ранцау, – что если бы восстание произошло в данный момент, реакционеры смешались бы с революционерами, чтобы внести в движение анархию»[99]. За отсутствием восстания пришлось распространять слухи о его подготовке. В июле 1916 г. начальник петроградского охранного отделения Глобачев докладывал о несостоятельности слухов о якобы ведущейся Парвусом и Горьким подготовке «всеобщей стачки пролетариата и вооруженного восстания». Глобачев считал, что Парвус «потерял свое обаяние среди русских социал-демократов, денежные средства их организаций незначительны, что едва ли имело бы место в случае получения немецкой помощи». Как мне представляется, в данном случае нет оснований не доверять начальнику охранного отделения, которое имело своих агентов практически во всех политических партиях. Возвращаясь к вопросу о возможности организации Парвусом восстания, Глобачев замечал: «Это только мечты, которым нико-

[92] Goulevitch A. Czarism and Revolution. Hawthorn. 1962. P.230.

[93] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. С. 256.

[94] Там же.

[95] Там же. С. 255.

[96] Там же. С. 257.

[97] Там же.

[98] Там же. С. 260.

[99] Там же. С. 261.

гда не суждено осуществиться, ибо для создания подобного грандиозного движения, помимо денег, нужен авторитет, которого у Парвуса ныне уже нет…»[100].

Итак, в России Парвуса уже не ждали и даже забыли. Неважно обстояло дело и с «разработкой» вождей большевиков в Швейцарии. В мае 1915 г. он приехал туда, чтобы встретиться с В. И. Лениным. Об этой встрече, состоявшейся то ли в Берне, то ли в Цюрихе, мы знаем только от самого Парвуса. Удивительно, но о ней нет даже упоминания в сообщениях в Берлин немецкого посланника в Копенгагене Брокдорфа-Ранцау, который «вел» Парвуса. А ведь, казалось бы, это такой актив в их совместной работе. Тем не менее даже если такая встреча и состоялась, то она, по признанию самого Парвуса, закончилась ничем[101]. А все остальное, что нагромождено вокруг этой встречи, основано на домыслах и фантазии. Поэтому только при очень богатом воображении можно увидеть маскировку якобы состоявшегося тогда сговора в той резкой характеристике, которую дал Ленин Парвусу в своей статье «У последней черты», опубликованной 20 ноября 1915 г. в газете «Социал-демократ». «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, – писал Ленин, – опустился теперь в издаваемом им журнальчике „Gloke“ („Колокол“) до … последней черты… Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России…»[102]. Вряд ли лидер большевиков позволил себе пройтись по адресу Гинденбурга и немецкого генерального штаба, если бы он согласился сотрудничать с ними.

Конечно, Парвус не сидел сложа руки в Копенгагене, ожидая заказанной им в России революции. Нет, он занимался своим любимым делом – коммерцией, – проворачивая с размахом сделки с продовольствием, зерном, углем, медикаментами. А между делом организовал в Копенгагене в 1915 г. институт по изучению причин и последствий мировой войны, к работе в котором не без умысла привлек русских революционеров-эмигрантов – Я. С. Ганецкого, М. С. Урицкого, Г. И. Чудновского и др. Посетивший в то время Копенгаген один из видных большевистских руководителей А. Г. Шляпников писал: «Русских граждан в Копенгагене этой осенью было очень много. Сюда съехались все спекулянты, все мародеры и богачи военного времени. Спекулировали главным образом предметами питания и немецкими фабрикатами (краски, лекарства, канцелярские принадлежности и т. п.). Появился особый слой богачей – «гуляшники», это спекулянты особого рода «военными» консервами, умевшие сбывать их в Германию. Социалисты также не отставали от военных доходов. Так немецкий социалист, известный в свое время в России, Парвус уже нажил не один миллион и начал жертвовать и учреждать полезные предприятия»[103]. Правда, «полезные предприятия» Парвус предпочитал учреждать не на свои миллионы, что открылось тогда же. Небезызвестный Г. А. Алексинский, издававший в Париже журнал «Россия и свобода», выступил в 1915 г. в нем со статьей, в которой утверждал, что институт по изучению причин и последствий мировой войны основан на деньги Германского правительства. И это была правда[104].

Оценивая деятельность Парвуса в пользу Германии, нельзя не отметить, что его грандиозные замыслы остались нереализованными. Если исходить из исторических фактов, а не домыслов, то Февральская революция обошлась без помощи Парвуса. Весьма критически относились к «русскому революционеру» и высокопоставленные сотрудники МИД Германии. И только немецкий посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, который с ним имел постоянные контакты, защищал его до конца. В этом отношении большой интерес представляет письмо Брокдорфа-Ранцау новому статс-секретарю иностранных дел Циммерману от 2 апреля 1917 г.

---

[100] Соловьев О.Ф. Парвус: политический портрет. С. 178.

[101] Шуб Д. Ленин и Вильгельм II. Новое о германо-большевистском заговоре // Новый журнал. Кн. 57. Нью-Йорк. 1959. С. 238.

[102] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82 – 83.

[103] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М., 1920. С. 201 – 202.

[104] Шуб Д. Ленин и Вильгельм II. С. 257.

«Я сознаю, что характер и репутация д-ра Гельфанда по-разному оцениваются его современниками и что Ваш предшественник (Ягов) особенно любил пройтись на его счет, – писал немецкий посланник. – В ответ на это я могу только сказать, что Гельфанд добился очень полезных политических результатов и что в России он был одним из первых, кто тихо и скромно начал работать для достижения цели, которая теперь – и наша цель. Некоторые обстоятельства, может быть и все, сложились бы по-другому, если бы Ягов не пренебрег два года назад его советами»[105]. Это признание, на мой взгляд, имеет принципиальное значение для оценки роли Парвуса в германских акциях против России.

Поскольку Парвусу не удалось установить прочных связей с российскими социал-демократами в Швейцарии и иметь через них постоянную информацию, немецкая контрразведка использовала в качестве своих агентов эсера Цивина и финского социалиста и сепаратиста Кескюлу, эстонца по происхождению. Они поставляли немецкой стороне сведения о политической позиции и настроениях российских эмигрантов, в том числе и большевиков, Ленина, Зиновьева, Бухарина и др. И на этом основании недобросовестные авторы причисляют их к большевикам и связывают с Лениным. Разумеется, и Цивин и Кескюла были на содержании у своих хозяев. Так, Цивин, прежде чем перейти в 1916 г. к немцам, был связан с австро-венгерской миссией в Берне, которая передала ему около 140 тыс. швейцарских франков. Но затем австро-венгерское главнокомандование объявило, что он «действовал недостаточно активно», а посему денег он больше не получит[106]. Учитывая возможность получать через Цивина информацию о положении в партии эсеров, немецкий посланник в Берне Ромберг предложил в августе 1916 г. своему руководству в Берлине воспользоваться услугами Цивина, произведя ему одноразовую выплату в 25 тыс. швейцарских франков[107]. Так Цивин стал «русским агентом Вейсом», информация которого, если судить по его сообщениям Ромбергу, не представляла особой ценности, но позволяла немецкой стороне получать дополнительные сведения о положении дел не только в партии эсеров, но и у социал-демократов, а также в России, хотя здесь Цивин, желая набить себе цену, явно преувеличивал влияние своей партии на предприятиях Петрограда[108]. Отрабатывая очередные 25 тыс. франков, Вейс сообщал, что «партия социалистов-революционеров – одна из самых сильных в России. Она насчитывает сотни тысяч членов (активных и пассивных)», а также о том, что эсеров поддерживают большевики (социал-демократы) во главе с Лениным, который сейчас живет в Швейцарии[109].

Другой платный агент финский социалист Кескюла, проходивший у немцев как Штейн, также «кормился» Лениным, перехватывая при случае его корреспонденцию и литературу для немецкой контрразведки[110]. Обосновывая необходимость выплаты Кескюле 20 тыс. марок в месяц, руководитель немецкой контрразведки Штейнвакс писал в МИД Германии: «За последние несколько месяцев Кескюла завязал многочисленные связи с Россией… Он также поддерживал весьма полезные контакты с Лениным и передавал нам содержание отчетов о положении в России, посылаемых Ленину его доверенными агентами в России»[111]. Сам Кескюла встретился с Лениным всего один раз, но, приехав в конце 1915 г. в Стокгольм и войдя там в контакт с местными большевиками, он сумел создать впечатление активного сотрудничества с русскими революционерами, а через них и с Лениным. Как отмечает Г. Катков, при посредничестве Кескюлы Министерству иностранных дел Германии стали известны взгляды

[105] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. С. 292

[106] Там же. С. 262.

[107] Там же. С. 268.

[108] Там же. С. 269 – 277.

[109] Там же. С. 275, 277.

[110] Там же. С. 258 – 259.

[111] Там же. С. 262.

Ленина на войну[112]. Можно подумать, что эти взгляды составляли военную тайну. О ценности поставляемой Кескюлой информации немецкой контрразведке и о характере его деятельности в целом можно судить по одному из его отчетов своему шефу. «У меня сейчас есть идеальный новый сотрудник; через него я имею возможность работать во всей Скандинавии, а также в России, – рапортовал Кескюла 9 января 1916 г. Штейнваксу. – Надо организовать небольшое частное издательство, чтобы выпускать брошюры о России и информационный листок на шведском языке для революционного движения… Одновременно следует основать центральное бюро для поддержки революционного движения (агитацией и сбором денег) и открыть его для общественности. Это бюро будет поддерживать русское движение – как морально, так и материально – совершенно открыто и без консультаций с лидерами революционных центров вне России»[113]. Как видно из этого, агент Штейн размахом Парвуса не обладал, и все его конструктивные предложения были направлены на то, чтобы получить свои очередные 20 тыс. марок. Более надежным «гарантом» здесь для Кескюлы был Ленин, которому и посвящена большая часть его отчета. Точнее говоря, речь шла об очередной ленинской почте, перехваченной им при помощи посредников и переданной во временное пользование немецкой контрразведке. В конце отчета Кескюла сообщал о своем главном достижении: «В конце недели появится вторая русская брошюра ЦК русских социал-демократов (т. е. Ленина). Она лежит уже два месяца (пока я был в Берлине), потому что деньги, которые я заплатил вперед перед отъездом, были украдены с типично русским хладнокровием. Вчера я внес всю сумму снова. Я уже указывал, какие меры я принял против подобных вещей. Если такое творится внутри и вокруг ЦК, то страшно подумать, что делается на периферии. Даже революцию из этих русских следует выбивать полицейскими дубинками, чтобы они не бросили дело на полпути»[114]. Последнюю фразу, видимо, в силу ее метафоричности, сегодня можно обнаружить во многих исторических сочинениях, авторы которых даже не задаются вопросом, а не «выбивал» ли таким образом агент Штейн с «типично эстонским хладнокровием» деньги и доверие немецкой контрразведки, чтобы она не бросила его на «полпути»? Поэтому вряд ли можно правильно оценить состояние русской революционной эмиграции в годы Первой мировой войны только на основе сведений немецких агентов, даже самых ценных. Необходимо выслушать и другую сторону и прежде всего самого В. И. Ленина.

[112] Революция и германское вмешательство. – Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 146.

[113] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. С. 258.

[114] Там же. С. 259 – 260.

Глава третья. В. И. Ленин: «Наименьшим злом было бы поражение царской монархии»

Война застала В. И. Ленина в польской горной деревушке Поронино и сразу же обернулась для него крупными неприятностями и переживаниями. 7 августа 1914 г. на его квартире был произведен обыск, в ходе которого жандарм забрал все ленинские материалы, в том числе рукопись по аграрному вопросу, приняв содержавшиеся в ней статистические таблицы за шифрованные записи. Самому Ленину было предписано явиться на следующий день в расположенный неподалеку городок Новый Тарг на допрос. Понимая всю серьезность своего положения, Ленин в тот же день направляет телеграмму директору полиции Кракова: «Здешняя полиция подозревает меня в шпионаже. Жил два года в Кракове, в Звежинце и 51 ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недоразумения. Ульянов»[115]. Тем не менее по прибытии в Новый Тарг лидер большевиков был арестован и посажен в тюрьму. Пришлось обращаться через Я. С. Ганецкого за срочной помощью к лидеру австрийских социал-демократов Виктору Адлеру, который являлся членом австрийского парламента. Ходатайствуя в Вене перед министром внутренних дел Австрии об освобождении Ленина, Адлер заявил: «Ульянов – решительный противник царизма – посвятил всю свою жизнь борьбе против русских властей и, если бы он появился в России, с ним поступили бы по всей строгости и, возможно, казнили бы»[116]. 19 августа Ленин был освобожден из тюрьмы, а спустя несколько дней в краковскую полицию пришла телефонограмма из министерства внутренних дел в Вене: «По мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях»[117]. Ленин же в эти дни предпринимал все усилия для того, чтобы поскорее выбраться из злополучного Поронина, и с помощью того же В. Адлера ему удалось получить разрешение на проезд с семьей из Кракова через Вену в нейтральную Швейцарию. 5 сентября 1914 г. он уже послал из Цюриха В. Адлеру «наилучшие приветы и наилучшую благодарность»[118]. Теперь можно было заняться судьбами мировой революции и разрабатывать тактику по отношению к империалистической войне. Правда, и здесь Ленин не чувствует себя в полной безопасности. В октябре 1914 г. он писал В. А. Карпинскому: «Есть все основания ждать, что швейцарская полиция и военные власти (по первому жесту послов русского или французского и т. п.) учинят военный суд или высылку за нарушение нейтралитета и т. п. Посему не пишите прямо в письмах ничего. Если надо что-либо сообщить, пишите химией»[119].

Обосновавшись в Берне, Ленин в первые же дни после своего приезда устраивает совещание местной группы большевиков, на котором выступил с докладом об отношении к начавшейся войне. Весь пафос его доклада был направлен против вождей европейской социал-демократии, вставших с началом войны на позиции «гражданского мира» и поддержки своих правительств. Вождя большевиков особенно огорчала и возмущала позиция самой влиятельной социал-демократической партии – германской, представители которой в рейхстаге голосовали вместе со всеми депутатами за предоставление кайзеровскому правительству пятимиллиардного военного займа. Объясняя, почему вожди европейских социалистов должны

[115] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 2.

[116] Ганецкий Я.С. О Ленине. М., 1935. С. 52.

[117] Там же. С. 54.

[118] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 2.

[119] Там же. С. 8.

не защищать «свою буржуазию», а разоблачать ее «подлости», Ленин аргументировал: «Ибо везде буржуазия и империалисты, везде подлая подготовка бойни: если особенно подлый и варварский русский царизм (более всех реакционен), то и немецкий империализм тоже монархический…»[120]. Окончательно свою точку зрения по этому вопросу вождь большевиков сформулировал в написанном им манифесте «Война и российская социал-демократия», который был напечатан 1 ноября 1914 г. в газете «Социал-демократ». В этом документе содержались два главных положения, которые глубоко размежевали большевиков и европейских социалистов. Во-первых, в манифесте подчеркивалось, что для русских социал-демократов «не может подлежать сомнению», что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства…». Во-вторых, в нем выдвигался «единственно правильный пролетарский лозунг» – «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну»[121].

Были ли эти лозунги выражением взглядов революционного сектантства и интернационализма, как утверждают одни, или они отражали реальную и возможную перспективу развития событий, как полагают другие? Отвечая на эти вопросы, необходимо принять во внимание, что Первая мировая война знаменовала собой глубокий экономический, политический и духовный кризис общества, поставила под сомнение само существование капитализма, придав революционерам вполне реальные надежды если не на его уничтожение, то, по крайней мере, на его радикальное обновление. «Ретроспективно оценивая шансы революционеров и реформаторов в 1914 – 1918 гг., – пишет в связи с этим видный отечественный историк С. В. Тютюкин, – следует подчеркнуть, что сложившаяся тогда в мире ситуация была крайне противоречивой. С одной стороны, война привела к грандиозной вспышке национализма и шовинизма, которая развела народы по их «национальным квартирам», заслонила на время классовые антагонизмы, подняла на щит идею гражданского мира во имя победы над внешним врагом. С другой – та же война, оказавшаяся на редкость затяжной, изнурительной и кровопролитной, создала в массах совершенно новую психологию «военного коммунизма» с присущими ей настроениями максимализма, нетерпения, всеобщего уравнительства, ориентацией на насилие и прямое революционное действие. Так создавалась мощная социально-психологическая база того нового, коммунистического течения, которое стало складываться в условиях войны в ряде социалистических партий, в первую очередь в РСДРП»[122].

Катализатором этого «нового, коммунистического течения» стал Ленин, развернувший в Швейцарии кипучую деятельность по разъяснению и утверждению своих взглядов на войну, по сплочению большевистских групп за границей. Он оппонирует в Лозанне занимавшему оборонческие позиции Г. В. Плеханову, выступает со своим рефератом о войне в Женеве, Кларане, Цюрихе и Берне, организует Бернскую конференцию заграничных секций РСДРП, участвует в работе Циммервальдской конференции социалистов-интернационалистов, содействуя выделению из нее так называемой «Циммервальдской левой». «Эрудиция, внутренняя напряженность и фанатизм Ленина часто гипнотизировали окружающих, – писал американский биограф вождя большевиков Луис Фишер. – Суровый образ жизни, целеустремленность и сокрушительная полемическая мощь поднимали ему авторитет»[123]. Однако здесь будет уместно заметить, что этот авторитет не был абсолютным и безраздельным. В январе 1915 г. находившийся также в Швейцарии Н. И. Бухарин предложил Ленину скорректировать его лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне, который при желании мог быть истолко-

[120] Там же. С. 10.

[121] Там же. С. 21 – 22.

[122] Тютюкин С.В. Ленин и Бухарин: леворадикальное крыло марксизма в период Первой мировой войны. – Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1944. С. 140 – 141.

[123] Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 127.

ван как призыв к оказанию практической помощи Германии. Лозунг поражения задевал патриотические чувства и потому не воспринимался не только широкими массами, но и многими революционерами, не принимавшими путь к революции, идущий через национальное унижение как результат поражения в войне[124]. Вместе с тем Бухарин и тогда признавал, что «позиция Ильича (и ЦК вообще) есть самая правильная из всех имеющихся социал-демократических направлений»[125].

Для ведения организационной и пропагандистской работы по сплочению своих сторонников Ленину требовались деньги, а их, судя по его переписке, было в обрез. Партийный фонд, состоявший из остатков полученной большевиками части наследства Н. П. Шмита и небольших поступлений от эмигрантов и им сочувствующих, едва обеспечивал издание газеты «Социал-демократ» и ряда сборников, в том числе Ленина и Зиновьева «Социализм и война», вышедшего тиражом 2 тысячи экземпляров. По мнению Г. Каткова, «бедность Ленина во время его пребывания в Швейцарии не подлежит сомнению, как в отношении его личных средств, так и в отношении финансирования его публикаций»[126].

Впрочем, и до войны финансовое положение большевиков оставляло желать лучшего. В январе 1914 г. И. И. Скворцов-Степанов с ведома Ленина вел переговоры с известным промышленником и масоном А. И. Коноваловым о координации усилий в борьбе против царизма. Хотя эти контакты и не дали реальных результатов и ограничились неопределенной договоренностью о желательности обмена политической информацией, Ленин высказался за продолжение этих отношений, в том числе и для получения финансовой помощи. «Нельзя ли у экземпляра достать денег? – писал он Скворцову-Степанову 24 марта 1914 г. из Кракова. – Очень нужны, меньше 10 000 р. брать не стоит. Ответьте»[127].

По имеющимся свидетельствам, Ленин и его близкие приехали в Швейцарию почти без средств к существованию. Неудивительно поэтому, что, отвечая из Берна в Поронино на просьбу Я. С. Ганецкого выслать ему денег взаймы, он с сожалением сообщает, что он бы это сделал, «если бы была какая бы то ни было возможность достать здесь хоть сколько-нибудь денег»[128]. Вряд ли Ленин мог лицемерить в данном случае: Я. С. Ганецкий только что помог ему выбраться из тюрьмы в Новом Тарге и неоднократно и раньше и потом оказывал ему неоценимые услуги. В ноябре 1914 г. лидер большевиков просит члена ЦК РСДРП А. Г. Шляпникова уладить вопрос о долге Шведской социал-демократической партии в 3 тысячи крон еще со времен V (Лондонского) съезда, предлагая вместо денег послать «какое-либо письмо любезное, благодарственное и направленное к тому, чтобы сей долг был „пожертвован“«[129].

Сотрудничая с редакцией словаря Гранат и подготовив по ее заказу статью о Марксе и марксизме, Ленин, нуждаясь в заработке, предлагает свои услуги редакции, «если есть еще нераспределенные статьи из последующих томов»[130]. Видимо, не от мелочности, а от привычки жить экономя, ему приходилось объясняться (не всегда деликатно) по финансовым вопросам. «Дорогая Ольга! – писал в июне 1916 г. Ленин С. Н. Равич. – Я вам должен за библиотеку, проверьте по книжечке – за год плюс за обед (1.50 или около того). Деньги у меня есть и реферат лозаннский покрыл поездку и дал доход… Прилагаю 16 frs. и надеюсь, что Вы не будете настаивать на своем, явно несправедливом и неправильном желании»[131]. В августе 1916 г. Ленин обращается к Г. Л. Шкловскому с просьбой: «…в Берне я заплатил 100 frs. залога в полицию.

---

[124] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 142 – 143.

[125] Там же. С. 149.

[126] Катков Г. Революция и германское вмешательство. – Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 150.

[127] Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 276; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 53.

[128] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 7 – 8.

[129] Там же. С. 27.

[130] Там же. С. 49.

[131] Там же. С. 241 – 242.

Не можете ли Вы через секретаря, который так Вас высоко ценит, походатайствовать, чтобы их перевели в Цюрих как мой залог, а то здесь тоже требуют залог»[132]. Из переписки Ленина с М. Н. Покровским видно, что иногда ему случалось получать крупные гонорары за издание своих работ – до 1 тысячи франков, и все же в октябре 1916 г. Ленин жалуется в письме А. Г. Шляпникову: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить силком деньги от издателя „Летописи“, коему посланы две мои брошюры (пусть платит; тотчас и побольше!). То же – с Бончем. То же – насчет переводов. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне»[133]. Правда, Н. Валентинов, проводивший свое расследование, на какие средства жил вождь большевиков в эмиграции, считает, что для подобного настроения у Ленина тогда не было оснований, отмечал при этом, что вскоре после этого письма он получил деньги из Петрограда. Что же касается других финансовых источников жизни Ленина в эмиграции, то Н. Валентинову удалось еще «раскопать» и даже рассчитать полученные Н. К. Крупской в наследство от своей тетки деньги, положенные на ее имя в одном из банков Кракова[134].

Возвращаясь к вопросу о состоянии партийного фонда большевиков в эмиграции, следует признать, что документов о подозрительных источниках его пополнения пока не обнаружено. Занимавшийся этими поисками А. Г. Латышев мог похвастать лишь найденным в фонде Ленина его письмом к неизвестному адресату следующего содержания: «Уважаемый товарищ! Я думаю, на основании всех Ваших данных и соображений, следует непременно Вам принять участие и дать доход партии (которая страшно нуждается). Официально двигать этого вопроса не могу, ибо нет времени созвать собрание, да и нет надобности, ввиду автономии местных групп. Устраивайте поскорее и шлите сообщения (а лучше деньги). Лучше передайте все это устно: к чему тут письменность»[135]. Интересно в этой связи отметить, что Ленин, опасаясь, что Швейцария может быть втянута в войну, предполагал сдать партийную кассу И. Ф. Арманд, о чем писал ей 16 января 1917 г.: «Поэтому партийную кассу я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны)»[136]. Остается только гадать, сколько денег могло быть в этом мешочке, но, очевидно, германских миллионов там быть еще не могло. В самом деле, достоверными данными о том, что Ленин и другие видные большевики имели какие-то контакты с представителями дипломатических и военных кругов Германии, мы пока не располагаем. В 1996 г. американский историк Р. Пайпс опубликовал в подготовленном им сборнике документов «Неизвестный Ленин. Из секретного архива» письмо Ленина Арманд от 19 января 1917 г., которое, по его мнению, является прямым доказательством «контактов Ленина с немцами». Основанием для такого утверждения послужила содержавшаяся в этом письме фраза: «Насчет немецкого плена и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой. Мы пока остаемся здесь»[137]. Если бы Пайпс внимательно ознакомился с перепиской Ленина этого времени, опубликованной в 49-м томе его сочинений еще в 1964 г., то он, вероятно, не сделал бы этого сенсационного открытия. Потому что он нашел бы там уже цитированное нами выше другое письмо Ленина от 16 января 1917 г. – той же Арманд, с которой он делился своими опасениями относительно того, что Швейцария может быть вовлечена в войну, в связи с чем он и собирался сдать ей партийную кассу.

---

[132] Там же. С. 276.

[133] Там же. С. 302.

[134] Валентинов Н. Малознакомый Ленин. М., 1991. С. 126 – 127, 154 – 159.

[135] Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 93.

[136] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367.

[137] Ленин В.И. Неизвестные документы 1891 – 1922. М., 1999. С. 200.

Из того факта, что ленинская позиция по вопросу о войне была объективно выгодна Германии, еще не следует, что между ними было оформлено какое-то секретное соглашение. Это означало только то, что «их линии в политике», как отметил Л. Д. Троцкий, «пересекаются». Разумеется, Ленин понимал это не хуже тех, кто пытается это совпадение сделать едва ли не главным доводом в пользу того, что вождь большевиков был агентом Германии. Понимая, что такие подозрения могут возникнуть, он не только сам вел себя предусмотрительно, но и советовал так поступать своим соратникам по партии. Интересно, что советуя в январе 1915 г. А. Г. Шляпникову не участвовать в Копенгагенской конференции социалистов нейтральных стран, Ленин выдвигает и такой аргумент: «По всей видимости, это интрига немцев. Я даже думаю, что тут есть интрига генерального штаба, которому хочется через других позондировать мир…»[138]. Такая настороженность Ленина, как мне представляется, объясняет и отрицательный результат встречи Парвуса с лидером большевиков в мае 1915 г., если таковая действительно состоялась. Показательно, что С. П. Мельгунов, оценивая приводившиеся в литературе «доказательства» в пользу тесного сотрудничества Ленина с Парвусом, заключил: «Все это очень далеко от установления непосредственной связи Ленина с Парвусом»[139].

Однако есть еще один факт, который требует своего подтверждения. Прославившийся своими разоблачениями провокаторов и шпионов В. Л. Бурцев, находясь уже в эмиграции, настаивал на том, что в конце 1916 г. Ленин все-таки договорился с немцами и с этой целью он тайно посещал германское консульство в Берне. Но, как писал в связи с этим С. П. Мельгунов, «никаких конкретных доказательств как историк революционного движения и политического сыска до сих пор в своих многочисленных статьях не привел»[140]. Сам Бурцев в изданной на немецком языке брошюре «Я обвиняю» писал, что он пытался проникнуть в немецкие архивы, но, по его же словам, ему показали только папки, в которых якобы заключались криминальные документы. По этому поводу С. П. Мельгунов считал необходимым заметить: «Мне лично версия официальной или полуофициальной „договоренности“ Ленина с германским империализмом представляется совершенно неправдоподобной»[141].

Известный русский историк-эмигрант Г. В. Вернадский, выпустивший в 1931 г. в США книгу «Ленин – красный диктатор», привел конкретный, но совершенно иной источник информации о том, что Ленин имел контакт с немецким консульством в Берне. Он указывает на отчет, который направил 30 декабря 1916 г. управляющему зарубежного представительства Департамента полиции А. А. Красильникову директор французского детективного бюро «Бинт и Самбин», проводившего наблюдение по заданию этого представительства. В отчете говорилось, что, по сообщению детективов, 28 декабря русский революционер Ульянов (Ленин) покинул место своего проживания в Цюрихе и поехал в Берн, где вошел в здание германского консульства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих[142]. Опытный историк-архивист Г. В. Вернадский в данном случае не дает никакой ссылки на документ и даже замечает, что «вопрос, соответствовало ли это сообщение фактам, может быть предметом дискуссии»[143]. Однако, судя по тому, что этот факт не нашел никакого отражения в опубликованных документах МИД Германии, скорее всего это только «домысленный факт», основанный на связанном с последующими реальными событиями предположении, что так могло быть.

Главным таким событием стала Февральская революция в России, явившаяся подарком судьбы как для эмигрантов-большевиков, так и политического и военного руководства Герма-

[138] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 51.

[139] Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж. 1940. С. 101.

[140] Там же. С. 50.

[141] Там же. С. 53.

[142] Вернадский Г.В. Ленин – красный диктатор. Пер. с англ. М., 1998. С. 155.

[143] Там же.

нии. Первым она позволила не только вернуться на родину, но и взять власть в октябре 1917 г., вторым – заключить в конце концов желанный сепаратный мир на Восточном фронте, правда уже с советским правительством. Активное содействие дипломатических и военных кругов Германии в возвращении в Россию Ленина и его сторонников стало их первой реальной помощью, имеющей документальное подтверждение. Теперь, когда опубликована и даже переведена на русский книга В. Хальвега «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Германские документы», интересно наложить немецкие источники на переписку Ленина в это время и таким образом проследить развитие событий и предпринимавшиеся меры с обеих сторон, выявить их главных действующих лиц.

15 марта (по новому стилю) Ленин узнает в Цюрихе из швейцарских газет о том, что в России победила революция, что у власти 12 членов Думы, а царские министры арестованы. На следующий день, осознав всю значимость свершившегося события (пускай и без его непосредственного участия), вождь большевиков в письме А. М. Коллонтай реагировал следующим образом: «Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К°»[144].

Итак, Ленин уже думал о следующем этапе революции, и чтобы он наступил, надо быть там, в России. «Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, – вспоминала Н. К. Крупская, – и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду… Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка…»[145].

18 марта Ленин в письме И. Ф. Арманд в Кларан писал: «Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать»[146]. На следующий день он просит уже В. А. Карпинского взять документы на проезд во Францию и Англию на свое имя, чтобы ими мог воспользоваться сам Ленин. Он даже предусматривает детали этого плана: Карпинский на время должен скрыться из Женевы, спрятавшись в горах, где за пансион за него заплатит партия[147]. Но Ленин весь в нетерпении: в России сейчас решается судьба мировой революции, а он сидит здесь и не знает, как выбраться из опостылевшей сразу Швейцарии. И Ленин снова обращается к самому близкому для него человеку – И. Ф. Арманд. Только ей он может доверить свои сокровенные мысли. «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, – пишет Ленин 19 марта, – ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) Папашу в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносится ли через меня с немецкими социалистами»[148]. Тут же он предлагает искать паспорта у русских или швейцарцев, которые бы согласились отдать их для проезда эмигрантам, и даже советует идти в русское посольство, а в случае отказа – жаловаться по телеграфу Милюкову и Керенскому (!). В конце этого письма Ленин выдвинул идею, которая при всей своей фантастичности оказалась самой реальной. «В Кларане (и около) есть много русских богатых и небогатых русских социал-патриотов и т. п. (Трояновский, Рубакин и проч.), которые должны бы попросить у немцев пропуска – вагон до Копенгагена для разных революционеров. Почему бы нет? Я не могу этого сделать. Я „пораженец“. А Трояновский и Рубакин + К° могут. О, если бы я мог научить эту сволочь и дурней быть умными!.. Вы

[144] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

[145] Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1933. С. 261.

[146] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403.

[147] Там же. С. 404.

[148] Там же. С. 404 – 405.

скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут! Конечно, если узнают, что сия мысль от меня, или от Вас исходит, то дело будет испорчено… Нет ли в Женеве дураков для этой цели?..»[149].

19 марта, когда Ленину пришла в голову идея «немецкого вагона», в Берне состоялось частное совещание российских партийных центров, и на нем лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов предложил план проезда эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немцев. Узнав об этом плане, вождь большевиков сразу же за него ухватился. В письме В. А. Карпинскому он писал: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам… с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне»[150].

В западной литературе уже давно высказана другая точка зрения, согласно которой инициатива проезда русских эмигрантов принадлежала немецкой стороне. Автор книги «Жизнь Ленина» Луис Фишер еще в 60-е гг. писал, что «идея этой знаменитой и роковой поездки принадлежит Парвусу и Брокдорф-Ранцау»[151]. Однако опубликованные документы МИД Германии не дают оснований так считать. В телеграмме в МИД Германии 21 марта 1917 г. немецкий посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, сообщая о состоявшейся у него беседе с доктором Гельфандом, не приводит на этот счет никаких предложений, кроме общего рассуждения своего собеседника о том, что «возможность эффективно бороться против Милюкова и Гучкова в России появится после вступления там в силу закона о политической амнистии путем непосредственных контактов с социалистами»[152]. 25 марта имперский посланник в Берне фон Ромберг направил статс-секретарю МИД Германии Циммерману телеграмму, в которой информировал о ставшем ему известным желании видных русских эмигрантов вернуться в Россию через Германию и просил указаний на тот случай, если ему будет сделан запрос такого рода. С этого времени немецкая сторона активно включилась в процесс возвращения эмигрантов-революционеров из Швейцарии в Россию. В тот же день, 23 марта, Циммерман телеграфировал представителю МИД при Главной штаб-квартире барону Лерзнеру о желательности разрешить транзит русским революционерам через Германию и просил информировать об этом Верховное главнокомандование на предмет окончательного решения этого неотложного вопроса. «Поскольку мы заинтересованы в том, чтобы влияние радикального крыла русских революционеров возобладало, – мотивировал он, – мне представляется желательным разрешить этот проезд» [153]. 25 марта представитель Главной штаб-квартиры информировал МИД Германии о том, что Верховное главнокомандование не имеет возражений против проезда русских революционеров, если они проследуют в отдельном транспорте[154].

Интересно, что именно в это время Ленин в конфиденциальном письме И. Ф. Арманд еще выражает свои сомнения и опасения: «Вот если ни Англия, ни Германия ни за что не пустят!!! А это ведь возможно!»[155]. Из опубликованной в середине 60-х гг. переписки Ленина видно, что в эти последние дни швейцарской эмиграции он активно переписывался с Я. С. Ганецким, находившимся в то время в Христианин (Осло). Он атакует своего доверенного представителя в Скандинавии самыми различными просьбами и поручениями, советуется с

[149] Там же. С. 405 – 406.

[150] Там же. С. 406.

[151] Фишер Л. Жизнь Ленина. Пер. с англ. М., 1997. С. 162 – 165.

[152] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. – Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 284.

[153] Germany and the Revolution in Russia. 1915 – 1918. Documents from Archives from of the German Foreign Ministry. Ed. by Z.A. Zeman. London. 1958. Doc. № 15.

[154] Ibid. Doc. № 16.

[155] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 409.

ним, как можно быстрее и безопаснее выбраться из Швейцарии. И в то время как Ленин считает, что «в Россию, должно быть, не попадем!! Англия не пустит. Через Германию не выходит»[156], он получает от Ганецкого предложение, о содержании которого мы можем судить только на основании ленинского ответа. «Берлинское разрешение для меня неприемлемо, – телеграфировал Ленин Ганецкому в Стокгольм 28 марта. – Или швейцарское правительство получит вагон или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев»[157]. По всей видимости, предложение «берлинского разрешения» не обошлось без участия Парвуса, у которого в торговой фирме в Копенгагене служил Ганецкий. «Парвус играл в этом деле вполне определенную роль и оказывал в качестве эксперта по русским делам известное влияние на немецкое правительство и высшее военное командование в смысле благоприятного разрешения вопроса о пропуске русских революционеров через Германию» [158], – свидетельствовал Фриц Платтен, один из организаторов этого проезда. Именно это участие Парвуса и заставило большевистского лидера первоначально отказаться от «берлинского разрешения». 30 марта Ленин вновь телеграфирует Ганецкому: «Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“, я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это – обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных»[159]. Одним из таких людей, имеющих отношение к Парвусу, был Георг Скларц, который, как явствует из немецких источников, действительно в эти дни встречался с русскими эмигрантами, но безрезультатно.

Однако немецкий механизм «высадки десанта» русских эмигрантов-революционеров был уже запущен, и обе стороны неотвратимо шли навстречу друг другу. 26 марта заместитель статс-секретаря иностранных дел Бусше сообщил из Берлина по телеграфу в Берн первые детали проезда русских эмигрантов через Германию: «Специальный поезд получит военное сопровождение. Передача произойдет на пограничной станции Гогмадинген или Линдау ответственным сотрудником. Немедленно вышлите информацию о дате отправления и список отъезжающих. Информация должна быть здесь за четыре дня до пересечения границы. Генеральный штаб, скорее всего, не будет возражать против отдельных лиц. Во всяком случае обратный поезд в Швейцарию гарантирован»[160].

Первоначально посредником в переговорах о проезде русских эмигрантов выступил швейцарский социалист, государственный советник Роберт Гримм, к которому Ленин обратился с просьбой представлять его интересы в этих переговорах. Гримм незамедлительно сообщил федеральному канцлеру Швейцарии Гофману о том, что русские эмигранты, в своем большинстве выступающие за заключение мира, просят о содействии в разрешении немедленно вернуться в Россию через Германию. Другой возможности, подчеркивал Гримм, эмигранты не имеют, так как возвращение через страны Антанты для них, выступающих против войны, закрыто. Информировав немецкого посланника в Берне фон Ромберга об этом обращении русских эмигрантов, федеральный канцлер Швейцарии Гофман рекомендовал Гримму убедить представителей комитета по возвращению эмигрантов вступить в прямой контакт с Ромбергом. Хотя 31 марта, как это видно из телеграммы Ромберга в МИД Германии, этот прямой контакт еще не был установлен, в этот день в Германском генеральном штабе состоялось совещание по вопросу о транзитном проезде русских революционеров. Принимавший участие в этом совещании сотрудник имперского разведотдела «Восток» капитан Бурман заявил, что

[156] Там же. С. 414.

[157] Там же. С. 417.

[158] Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1991. С. 77.

[159] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418.

[160] Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. Doc. № 17

хотя его отдел и не придает этой акции большого значения, он хотел бы получить список проезжающих как можно быстрее. Другой участник этого совещания – начальник Центрального паспортного ведомства ротмистр Цюрн выразил опасение, пропустят ли финские пограничные власти, сотрудничающие с англичанами, противников продолжения войны. При этом он особенно подчеркнул, что немецкая сторона не должна скомпрометировать транзитных пассажиров «слишком активным сотрудничеством с ними»[161].

Захватив инициативу, немецкая сторона стремилась форсировать транзитный проезд русских эмигрантов. 2 апреля заместитель статс-секретаря иностранных дел Бусше телеграфирует из Берлина германскому посланнику в Берне Ромбергу: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии. Поэтому я рекомендую в обсуждениях с представителями комитета действовать с максимально возможной скоростью»[162]. Отвечая на эту телеграмму, Ромберг на следующий день мог лишь сообщить, что пока с ним никто еще не вступил в непосредственные переговоры и объяснял почему: «…очевиден страх скомпрометировать себя в Санкт-Петербурге»[163]. Только 4 апреля видный швейцарский социалист-интернационалист Фриц Платтен посетил Ромберга и «от имени группы русских социалистов, и в частности, их руководителей Ленина и Зиновьева» обратился с просьбой разрешить проезд через Германию немедленно «небольшому числу самых видных эмигрантов». В своем отчете об этой встрече Ромберг сообщал в МИД: «Платтен утверждает, что события в России принимают опасный для вопроса о мире поворот, и необходимо сделать все возможное для отправки вождей-социалистов в Россию, так как они пользуются там значительным влиянием»[164]. Далее германский посланник излагал условия, на которых эмигранты соглашались принять предложение о проезде через Германию: 1) едут все эмигранты независимо от их отношения к войне; 2) проезд без остановок в опечатанном вагоне, который пользуется правом экстерриториальности; 3) едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число интернированных немцев. Фриц Платтен выражал готовность поручиться за каждого из группы и получить разрешение на проезд через Германию, а также обязался сопровождать вагон до границы вместе с немецкими представителями. «Поскольку их немедленный отъезд в наших интересах, – резюмировал Ромберг, – я настоятельно рекомендую выдать разрешение сразу же, приняв изложенные условия»[165]. Германский генеральный штаб так и поступил 5 апреля, гарантировав безопасный проезд, обязавшись не предъявлять никаких паспортных формальностей на границе и установив максимальное число пассажиров – шестьдесят» [166].

Наиболее нетерпеливые и решительные эмигранты во главе с Лениным стали собираться в дорогу. В связи с этим В. Хальвег в предисловии к документальной публикации «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году» пишет: «Для Ленина, стремящегося изо всех сил дать толчок большевистской мировой революции, решающим является как можно скорее достичь России; то, что эту возможность предлагает ему противник, «классовый враг», для него как раз никакой роли не играет. Вот почему большевистский вождь изъявляет готовность принять немецкое предложение, однако при этом ничем ни в какой форме себя не связывая. Даже путевые расходы революционеры оплачивают из собственных средств» [167]. Действительно в опублико-

[161] Ibid. Doc. № 21.

[162] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 293.

[163] Ткачев А.В. Если судить непредвзято, или были ли большевики, Ленин «немецкими шпионами». – О Ленине правду. Дайджест прессы. Л., 1991. С. 97

[164] Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. Doc. № 27

[165] Ibid

[166] Ibid. Doc. № 30.

[167] Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Германские документы. Пер. с нем. М., 1990. С. 49.

ванных Хальвегом документах не содержится и намека на денежные субсидии отъезжающим эмигрантам. Поэтому выдвинутая еще в 1917 г. версия о том, что «предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотом и валютой»[168], пока остается необоснованной, хотя и часто востребованной теми, кому доказательства не нужны. Во всяком случае судорожные усилия Ленина достать на поездку денег где только можно, обращение к Ганецкому «выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки»[169], не позволяют считать, что партийный фонд большевиков в это время был полон «немецкого золота». 2 апреля 1917 г. Ленин писал И. Ф. Арманд: «Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10 – 12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме!»[170]. О том, сколько это «больше», можно судить по его признанию в другом письме, что фонд на поездку уже составляет более тысячи франков[171].

Чтобы обеспечить себе и своим спутникам по проезду через Германию алиби, Ленин решил накануне отъезда составить подробный протокол, который бы подписали авторитетные социалисты из Швейцарии, Франции. В телеграмме французскому социалисту А. Гильбо 6 апреля 1917 г. он просит: «Выезжаем завтра в полдень в Германию. Платтен сопровождает поезд, просьба прибыть немедленно, расходы покроем. Привезите Ромен Роллана, если он в принципе согласен»[172]. Такой договор понадобился еще и потому, что в последний момент эти, по выражению Ленина, «мерзавцы первой степени» меньшевики потребовали, чтобы проезд через Германию получил одобрение Петроградского Совета рабочих депутатов[173]. В результате вместо возможных 60 пассажиров 9 апреля 1917 г. из Берна выехала группа в составе 52 человек, в том числе 19 большевиков во главе с Лениным. Им предстояло на уже известных условиях, принятых обеими сторонами, пересечь Германию по маршруту – Готмадинген – Штутгарт – Франкфурт-на-Майне – Берлин – Штральзунд – Засниц.

Конечно, это было не обычное путешествие не совсем обычной группы, за передвижением которой негласно наблюдали многие заинтересованные лица. Еще эмигранты не успели выехать из Швейцарии, а германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау уже телеграфировал в Берлин: «Д-р Гельфанд просит, чтобы ему немедленно сообщили о прибытии в Мальме или Засниц русских эмигрантов, едущих из Швейцарии через Германию. Гельфанд хочет встретить их в Мальме. Пожалуйста, телеграфируйте немедленно»[174]. 10 апреля видные германские социал-демократы Ф. Шейдеман и Ф. Эберг выехали с одобрения статс-секретаря иностранных дел Циммермана в Скандинавию[175]. Одновременно немецкая сторона принимала все меры, чтобы никакая информация о проезде русских эмигрантов через Германию не просочилась в печать. По этому поводу германский посланник в Берне Ромберг специально телеграфировал 9 апреля в Берлин: «Эмигранты считают, что им придется встретиться с огромными трудностями и даже судебным преследованием со стороны российского правительства по причине проезда через вражескую территорию. Поэтому им очень важно иметь право утверждать, что они не общались в Германии ни с одним немцем. Платтен объяснит это Янсону. Важно также, чтобы немецкая пресса не касалась этого дела до того времени, пока о нем не заговорят за границей. Если избежать участия в обсуждении этой темы не удастся, то следует

[168] См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Париж. 1921, С. 71.

[169] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425.

[170] Ленин В.И. Неизвестные документы 1891 – 1922. М., 1999. С. 211.

[171] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 427.

[172] Там же. С. 429

[173] Там же. С. 427, 428.

[174] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 294.

[175] Там же. С. 295.

воздерживаться от ее комментариев и особенно от намеков на заинтересованность Германии, что могло бы компрометировать эмигрантов…»[176].

«Запломбированный» вагон с русскими эмигрантами в сопровождении двух немецких офицеров, уполномоченных Верховного военного командования, без всяких инцидентов пересек территорию Германии. Только однажды Платтену пришлось действительно объясняться с видным деятелем немецких профсоюзов В. Янсоном, пытавшимся вступить в разговор с пассажирами запломбированного вагона во время одной из его остановок, но все обошлось и никакого разговора не состоялось. 12 апреля вагон благополучно достиг побережья Балтийского моря в г. Засниц, откуда его пассажиры перебрались на шведский рейсовый паром, доставивший их в шведский город Треллеборг, где их встречал Я. С. Ганецкий. Почти сразу же Ленин и его спутники выехали поездом в Стокгольм, где они были радушно встречены не только большевиками-эмигрантами, но и шведскими левыми социал-демократами. В центре внимания был Ленин, который встречается с представителями шведской прессы, организует здесь Заграничное бюро ЦК РСДРП, участвует в совещании шведских левых социал-демократов, беседует с видным левым социал-демократом и публицистом Ф. Стрёмом о перспективах социалистической революции в России и мирового революционного движения, присутствует на банкете, устроенном шведскими левыми социалистами в честь приехавших русских революционеров. Пожалуй, можно согласиться с тем, что в Стокгольме Ленин начал чувствовать себя в роли вождя будущей революции. Здесь с Лениным попытался встретиться Парвус. «Я был в Стокгольме, когда Ленин находился там во время проезда, – вспоминал он. – Он отклонил личную встречу. Через одного общего друга я ему передал: сейчас прежде всего нужен мир, следовательно, нужные условия для мира; спросил, что намеревается он делать. Ленин ответил, что он не занимается дипломатией, его дело – социальная революционная агитация» [177]. Возможно, эта красивая фраза приписана Ленину самим Парвусом, но факт их несостоявшейся встречи был позднее засвидетельствован К. Радеком, находившимся с Парвусом в доверительных отношениях. «В Стокгольме Парвус хотел встретиться с Лениным от имени ЦК Германской социал-демократической партии, – писал Радек. – Ильич не только отказался видеть его, но попросил меня, Воровского и Ганецкого вместе со шведскими товарищами засвидетельствовать это»[178]. Но Парвус переносил и не такие удары и всегда искусно маскировал свои неудачи. И на этот раз, вернувшись в Копенгаген, он сообщил своему шефу – германскому посланнику Брокдорф-Ранцау о том, что вел в Стокгольме переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии, а теперь вызван в Берлин телеграммой от исполнительного комитета социал-демократической партии. В Берлине Парвуса ожидала встреча с статс-секретарем иностранных дел Циммерманом[179]: он все-таки не был простым агентом.

Ленину же предстояло преодолеть на пути в Россию последний барьер – финскую границу. Направив предварительно телеграмму председателю Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе о необходимости обеспечить группе возвращающихся в Россию политических эмигрантов беспрепятственный проезд через русскую границу, 15 апреля Ленин выезжает из Стокгольма, а через два дня он уже проходил последний контроль на финской пограничной станции Торнео. Однако опасение быть арестованным не покидало вождя большевиков вплоть до самого прибытия в Петроград поздним вечером 16 апреля. И только тогда, когда на перроне Финляндского вокзала он увидел почетный караул, а на площади перед вокзалом сотни встречавших его рабочих, солдат и матросов, Ленин окончательно поверил, что ему не придется больше писать письма из «проклятого далека». В России, жив-

[176] Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. Doc. № 35.

[177] Parvus A. Im Kampf um die Warkheit. Berlin. 1918. S.51.

[178] Платтен Ф. Проезд Ленина через Германию. (Предисловие К. Радека). Берлин. 1924. С. 66.

[179] Германия и русские революционеры в годы мировой войны. С. 297.

шей тогда по старому стилю, 5 апреля – дата возвращения вождя большевиков из эмиграции – на долгие годы станет событием исторического значения.

Для немецкой стороны это событие, как выяснится позднее, имело тоже историческое и практическое значение. Пока же начальник германской контрразведки Штейнвакс направил из Стокгольма 17 апреля в Главную штаб-квартиру следующую телеграмму: «Проезд Ленина в Россию прошел удачно. Он действует так, как мы хотели бы. Поэтому негодование социал-демократов, сторонников Антанты в Стокгольме. Платтен задержан англичанами на границе и отправлен обратно, что привлекло здесь большое внимание. Платтен – известный лидер швейцарских социалистов, который сопровождал русских революционеров из Швейцарии через Германию в Стокгольм и хотел проехать в Петроград»[180]. Тщательно разработанный представителями дипломатических и военных кругов Германии план «высадки десанта» революционеров-радикалов в России и его четкая реализация в исторической ретроспективе превратились в операцию гигантских масштабов, в которую «по предложению Парвуса включились не только генеральный штаб и министерство иностранных дел, но и сам кайзер Вильгельм II»[181]. При этом авторы такой точки зрения стыдливо умалчивают (или не знают?), что кайзер узнал об этой операции только 12 апреля, когда Ленин и его группа уже были в Стокгольме. Поэтому его пожелание о том, чтобы русским социалистам были выданы «Белые книги» и другая подобная литература для ведения разъяснительной работы в своей стране, могли носить всего лишь гипотетический характер. Что же касается заверения Вильгельма II, что «в случае, если русским откажут въезд в Швецию, Верховное командование будет готово переправить их в Россию»[182], то достаточно познакомиться с составом первой группы проехавших через Германию эмигрантов[183], чтобы убедиться в полной абсурдности такого предложения, а следовательно, и в неосведомленности кайзера относительно деталей этой операции.

Зарубежные и отечественные авторы любят цитировать генерала Э. Людендорфа, который в своих военных мемуарах писал: «Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправдано. Россию было нужно повалить»[184]. По крайней мере, историк обязан принять во внимание, что это мнение было высказано после того, как все случилось. Чтобы «повалить» Россию, нужно было сочетание целого ряда социальных, политических, экономических, военных и других факторов, которые в своем историческом сцеплении дали 25 октября 1917 г., событие, ставшее триумфом для одних и катастрофой для других. Задача исследователя в данном случае состоит не в том, чтобы набрать как можно больше фактов и мнений в подтверждение своей точки зрения, а в том, чтобы объективно определить роль «немецкого фактора» в русской революции на основе изучения документов самого различного происхождения. Но было бы глубочайшим заблуждением рассматривать «фактор Ленина» только в этом контексте.

---

[180] Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. Doc. № 51.

[181] Волкогонов Д.А. Ленин. Кн. 1. Вожди. М., 1999. С. 216; См.также: Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 164.

[182] Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. Doc. № 44.

[183] «Список № 1 лиц, проехавших через Германию во время войны» был опубликован В.Л. Бурцевым в газете «Общее дело» 14 окт. 1917 г.

[184] Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914 – 1918. Berlin. 1919. S.47.

Глава четвертая. Вильгельм II: «Мы должны поддержать социалистов (Керенского и др.) против Антанты и Милюкова»

Февральская революция расширила перспективы Германии и Австро-Венгрии на достижение сепаратного мира, и они интенсифицировали свои усилия на самых различных направлениях. «Русская революция поставила нас в совершенно новое положение, – писал министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин. – Но все же оставалось несомненным, что наибольшее число шансов заключения мира лежит на востоке, и все наши усилия были, следовательно, направлены к тому, чтобы использовать первый удобный момент, который царь не успел закрепить»[185].

Как явствует из опубликованных немецких источников, Германия внимательно следила за развитием событий в России после Февральской революции и, пытаясь противодействовать влиянию стран Антанты, стремилась установить контакты не только с радикальным крылом социалистов, но и с социалистами в целом. На одной из телеграмм, полученной из Стокгольма о событиях в Петрограде в марте 1917 г., кайзер Вильгельм II сделал замечание на полях «…мы должны поддержать социалистов (Керенского и др.) против Антанты и Милюкова и как можно скорее войти с ними в контакт»[186]. Политическое и военное руководство Германии решило даже не предпринимать каких-либо крупных военных акций, которые могли бы привести к установлению единства политических сил и общества перед лицом германской опасности»[187]. «Мир с Россией, – писал австрийский император Карл I кайзеру Вильгельму II, – ключ к ситуации. После его заключения война быстро придет к благоприятному для нас окончанию»[188].

В своих официальных документах правящие круги Германии заявляли о полном невмешательстве в дела России и своей заинтересованности установить с ней мирные отношения. Выступая 29 марта 1917 г. в рейхстаге, канцлер Бетман-Гольвег сказал: «…мы решили спокойно присмотреться к новому порядку в России, никак не вмешиваясь в дела русских. У нас нет ни малейших оснований враждебно относиться к борьбе русского народа за свободу или желать возвращения автократического старого режима. Наоборот, мы хотим, насколько это в наших силах, помочь нашему восточному соседу в деле строительства счастливого будущего и избавления от английского засилия. Германия всегда была и остается готова заключить почетный мир с Россией»[189].

Под завесой подобных заявлений германские правящие круги стремились использовать в своих интересах новую политическую ситуацию в России. 1 апреля 1917 г. МИД Германии обратился в министерство финансов с просьбой выделить дополнительно пять миллионов марок на политические цели в России. Новый министр финансов граф Редерн, учитывая размер запрашиваемой суммы, попытался официально выяснить у своих коллег из МИД, на что будут потрачены эти деньги, но был вынужден удовлетвориться устным разъяснением по соображениям секретности[190].

---

[185] Чернин О. В дни мировой войны. М. – Пг., 1923. С. 158.

[186] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. – Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 400.

[187] Там же. С. 285, 400.

[188] Там же. С. 327.

[189] Там же. С. 286.

[190] Там же. С. 400.

2 апреля 1917 г. германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, хорошо информированный о ситуации в России через Парвуса и русских эмигрантов, направил в МИД Германии меморандум, в котором предлагались различные варианты участия немецкой стороны в российских событиях. По своему прогностическому характеру этот документ заслуживает быть воспроизведенным почти полностью:

«По отношению к русской революции мы можем принять, по моему мнению, одно из следующих исходных положений: если мы экономическими и военными средствами продолжаем войну до осени, то очень важно сейчас способствовать усилению хаоса в России, и любое явное вмешательство в ход русской революции не должно иметь места. Но скрытно, по моему мнению, нам надо способствовать углублению раскола между умеренными и партией экстремистов. В наших интересах, чтобы последние взяли верх, так как в этом случае драматические изменения станут неизбежными и могут принять формы, которые потрясут само существование Российской империи. Разумеется, даже если умеренное крыло останется у власти, трудно представить себе переход к нормальным условиям без больших беспорядков. Тем не менее я считаю, что, с нашей точки зрения, предпочтительнее поддержать экстремистов, так как именно это быстрее всего приведет к определенным результатам. Со всей вероятностью, месяца через три можно рассчитывать на то, что дезинтеграция достигнет стадии, когда мы сможем сломить Россию военной силой. Если же мы сейчас начнем преждевременное наступление, то это может лишь объединить различные противодействующие пока друг другу политические силы, сплотить их решимостью к борьбе против Германии и даже, возможно, повысить боеспособность армии.

Если же мы не сможем успешно продолжать войну до конца этого года, то нам надо прийти к сближению с партиями умеренных, находящихся у власти, и убедить их, что, настаивая на продолжении войны, они действуют заодно с англичанами, открывая дорогу реакции и тем самым рискуя свободой, которую уже завоевали. В качестве дополнительного аргумента следует указать Милюковым и Гучковым, что, в свете неясности ситуации в России, англичане могут попытаться достичь соглашения с нами за счет русских»[191].

Итак, ставка была сделана на «экстремистов», с которыми германские правящие круги ассоциировали Ленина и его сторонников. Надо признать, что вождь большевиков был настроен весьма решительно. Еще находясь в Цюрихе и имея крайне скудные сведения о событийной стороне Февральской революции, он тем не менее уже определил свое отношение и к этой революции и к той власти, которая была создана в результате нее. Ленину еще в Швейцарии стало ясно, что «новое правительство» состоит из заведомых сторонников и защитников «империалистской войны» с Германией, и потому оно «не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс»[192]. Это правительство, настаивал Ленин, не в состоянии сделать то, что теперь необходимо народам: немедленно и открыто предложить всем воюющим странам осуществить перемирие тотчас и затем заключить мир на основе полного освобождения колоний и всех зависимых и неполноправных наций. А для осуществления этого, заключал он, нужно рабочее правительство в союзе с беднейшим крестьянством и революционными рабочими всех воюющих стран[193].

Следует подчеркнуть, что в вопросе об отношении к войне петроградские большевики с самого начала заняли бескомпромиссную позицию. Еще в манифесте ЦК РСДРП 27 фев-

[191] Germany and the Revolution in Russia. 1915 – 1918. Documents from Archives from of the German Foreign Ministry. London. 1958. Doc. № 22.

[192] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 2.

[193] Там же.

раля 1917 г. «Ко всем гражданам России» указывалось на необходимость «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам»[194].

Антивоенная пропаганда большевиков учитывала усталость народа от войны, военные поражения и огромные потери на фронте, непонимание солдатами целей войны. Один из меньшевистских лидеров И. Г. Церетели впоследствии признавал, что после Февральской революции солдатская масса «жадно ловила слова о мире, о таком мире, который избавил бы их и от угрозы порабощения и от необходимости воевать. Здесь они видели просвет из сумерек окопной жизни, просвет, который они инстинктивно искали в революции»[195].

Отражая негативное отношение народа к продолжающейся войне, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял 14 марта 1917 г. манифест «К народам всего мира», который захватил солдат идеей прекращения кровавой бойни и заключения справедливого мира. Они поддержали выдвинутый лозунг «Война за свободу!», а среди других лозунгов, под которыми солдаты выступали в мартовских демонстрациях, был и такой: «Германский народ, следуй нашему примеру в борьбе с твоим правительством!»[196]. Под давлением Петроградского Совета вынуждено было высказаться по вопросу о войне и Временное правительство, которое в своей декларации от 27 марта 1917 г. заявило, что «свободная Россия» не преследует в войне никаких захватнических целей. В связи с этим в целом ряде воинских частей Петроградского гарнизона на собраниях и митингах были приняты приветствия в адрес Временного правительства за его «отказ от завоевательных целей»[197].

Отношение к продолжающейся войне стало первым и главным положением Апрельских тезисов, с которыми Ленин выступил на следующий день после приезда в Петроград на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце. Признав, что широкие слои рабочих и солдат занимают позиции «революционного оборончества», он призывал терпеливо и настойчиво разъяснять им, что кончить войну истинно демократическим миром нельзя без свержения капитала. «Войну можно кончить лишь при полном разрыве с международным капиталом, – убеждал Ленин своих товарищей по партии. – Порвать с международным капиталом – нелегкая вещь, но и нелегкая вещь – закончить войну. Ребячество, наивность предполагать прекращение войны одной стороной…»[198]. Столь же решительно вождь большевиков выступил и против «доверчиво-бессознательного» отношения масс к новой власти. Никакой поддержки Временному правительству! – выдвигает он лозунг и готов даже остаться пока в меньшинстве: «один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе»[199]. Напечатанные в «Правде» Апрельские тезисы вызвали ожесточенную полемику, критику и непонимание не только со стороны политических противников Ленина, но и в самом руководстве большевиков.

Но для того, чтобы пропагандировать свои взгляды и агитировать за свою программу действий, Ленину предстояло сначала реабилитировать себя в глазах общественного мнения за проезд через Германию[200]. Разумеется, политические оппоненты Ленина не упустили шанса

---

[194] Правда. 1917. 5 марта.

[195] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж. 1965. Кн. 1. С. 42.

[196] РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 3862. Л. 24об.

[197] Известия Петроградского Совета. 1917. 2 апр

[198] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 105.

[199] Там же.

[200] Показательно, что сразу же по возвращении Ленин подает заявление о компенсации расходов по проезду из Швейцарии до Петрограда и не кому-нибудь, а своему соратнику по партии А.Г. Шляпникову (Беленину), члену Исполкома Петроградского Совета. «Прилагаю расписки в плате за проезд нашей группы, – писал заявитель, – 500 шведских крон я получил

начать в прессе кампанию по его дискредитации. «Приехал из Германии? Мир привез? А почем продает – не слыхали?» – такие вопросы задавала не одна «Петроградская газета»[201]. Предвидя такое развитие событий, Ленин, как уже отмечалось, составил «Протокол о поездке», который был утвержден всеми отъезжавшими и засвидетельствован швейцарскими, немецкими и французскими социалистами; еще в Стокгольме он передает коммюнике – «Проезд русских революционеров через Германию» газете «Politiken», где оно появилось еще до его возвращения в Россию. Интересно, что, получив текст коммюнике через Петроградское телеграфное агентство, орган ЦК кадетской партии «Речь» и орган социалистической мысли «День» напечатали его 5 апреля 1917 г. без последнего абзаца, содержавшего одобрение действий русских эмигрантов со стороны представителей левых социалистов Франции, Германии и Швейцарии.

4 апреля Исполком Петроградского Совета обсуждал на своем заседании вопрос о проезде политических эмигрантов через Германию, и Ленин выступил на нем с сообщением, предложив принять резолюцию, одобряющую обмен политических эмигрантов на интернированных в России немецких и австрийских подданных. «Никаких споров и недоразумений в Исполнительном комитете на этот счет не возникло, – вспоминал Н. Н. Суханов. – Несмотря ни на отношение к Ленину, ни на отношение к факту его проезда через Германию, ему было тут же заявлено, что шаги в желательном ему направлении будут немедленно приняты. Это была, конечно, не только услуга Ленину и его партии: это был акт необходимого отпора грязной политической игре, уже начатой клеветнической кампании против одной из фракций социализма в Совете… Ленин же, убедившись в том, что эта услуга ему обеспечена, что отпор буржуазной травле рассматривается в советских сферах не только как услуга его партии, но и как политический акт, отбыл из Исполнительного комитета, чтобы больше никогда не появляться там…»[202].

Сообщение Ленина на заседании Исполкома Петроградского Совета на следующий день, 5 апреля, было напечатано в «Правде» и в «Известиях Петроградского Совета» под заголовком «Как мы доехали». В нем отмечалось, что автором плана проезда русских эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских подданных являлся Л. Мартов; что, не дождавшись ответа из России, эмигранты решили сами провести этот план. Единственным посредником был назван Ф. Платтен, который «заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии». Далее перечислялись условия, на которых был организован проезд через Германию и кратко излагался «Протокол о поездке». Опытный политик Ленин главный оправдательный аргумент приберег на конец, вложив его в уста подписавших этот протокол «иностранных социалистов-интернационалистов»: «Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы охотно выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело – ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом»[203].

Но не только Ленин и его сторонники вернулись из эмиграции таким образом: через Германию проехали три поезда с политическими эмигрантами; после группы Ленина проехали еще две, организованные Цюрихским комитетом по эвакуации русских эмигрантов. Эти группы, состоявшие главным образом из социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров, вынуждены были воспользоваться маршрутом через Германию после

пособия от русского консула в Haparanda (из Татьянинского фонда). Доплатил я 472 руб. 45 коп. Эти деньги, взятые мной в долг, я желал бы получить из Комитета попощи ссыльным и эмигрантам» (Полн. собр. соч. Т. 49. С. 455). Хотя, по признанию самого Ленина, денег на поездку было собрано более чем достаточно, он не упускает здесь случая подчеркнуть по поводу бедственного материального положения политэмигрантов. Главное же, конечно, было в том, чтобы отмести подозрения и распространяемые слухи о том, что проезд был профинансирован Германией.

[201] Петроградская газета. 1917. 11 апр.

[202] Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3 – 4. М., 1991. С. 18.

[203] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 121.

того, как выяснилось, что другого пути в Россию действительно нет. 16 апреля в петроградских газетах была напечатана подписанная П. Б. Аксельродом, Л. Мартовым, Д. Б. Рязановым, А. В. Луначарским, М. А. Натансоном телеграмма: «Констатируем абсолютную невозможность вернуться в Россию через Англию». Возвращаясь через Германию вслед за Лениным, они тоже стремились обеспечить себе алиби. Среди приехавших таким образом были многие видные революционеры, представители самых различных политических партий. Их полные списки опубликовал В. Л. Бурцев в газете «Общее дело» в октябре 1917 г. По признанию ответственных сотрудников МИД Временного правительства, «абсолютно никакого контроля за въездом в Россию эмигрантов на самом деле не существовало. Не только «дефетисты» из русских эмигрантов, но и прямые агенты германского Генерального штаба могли при такой постановке дела попасть в Россию…»[204]. Всего через Германию, по данным В. Л. Бурцева, вернулось в Россию 159 политических эмигрантов, которые были, по его определению, «вольные или невольные агенты Вильгельма». Наряду с Лениным и Зиновьевым таким же образом приехали и многие видные представители других политических партий и течений: Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), Мартынов (С. Ю. Пикер), Д. Б. Рязанов (Гольдендех), Ф. Я. Кон, М. А. Натансон, А. М. Устинов, А. И. Балабанова и др.[205]

Германия была крайне заинтересована в том, чтобы в Россию вернулось как можно больше противников продолжения войны. Об этом прямо писал германский посланник в Берне Ромберг канцлеру Бетман-Гольвегу 30 апреля 1917 г. Речь шла не только о русских эмигрантах из Швейцарии, которым он предлагал предоставить те же условия проезда, что и первой группе во главе с Лениным. Ссылаясь на состоявшуюся беседу с швейцарским социалистом Ф. Платтеном, Ромберг сообщал, что и в Германии находится определенная часть русских революционеров, которых можно было бы отправить в Россию. При этом, отмечал он, выяснилось, что эти эмигранты не располагают средствами для пропаганды, поскольку собранные для поездки деньги попали главным образом к социал-патриотам. Ставя перед канцлером вопрос о возможности материальной поддержки таких эмигрантов, не оскорбляя их достоинства, Ромберг одновременно хотел выяснить, не оказывается ли революционерам финансовая помощь каким-либо другим образом[206].

Возглавляемая Ромбергом германская миссия в Берне продолжала быть важным центром получения информации как об оставшихся еще в Швейцарии русских социалистах, так и о том, что происходило в России. Ключевую роль в контактах с русскими политэмигрантами играл швейцарский социал-демократ Карл Моор, немец по национальности, обосновавшийся с 1889 г. в Берне, где он возглавлял главный орган швейцарских социал-демократов газету «Бернер Тагвахт» и входил в городской совет и кантональный парламент как представитель социалистического рабочего движения. Еще в 1904 г. Моор познакомился на социалистическом конгрессе в Амстердаме с В. И. Лениным, взгляды которого были восприняты им с симпатией. В начале мировой войны он поручился за высланных из Австрии Ленина и Зиновьева, а затем неоднократно вносил в Бернскую окружную управу денежный залог, требуемый для продления пребывания в стране. Как свидетельствовал сам Моор, в 1915 г. он встречался с Лениным у начальника Бернской полиции, что, по-видимому, было связано с очередным продлением вида на жительство Ленину. И это единственное свидетельство их личных контактов в годы Первой мировой войны. По мнению исследователей, такое осторожное поведение Ленина было вызвано, возможно, подозрениями в слишком тесных связях Моора с швейцарскими властями, а с начала войны и с правыми немецкими социал-демократами. Не исключено,

[204] Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920. Кн. 1. М., 1993. С. 304.

[205] Общее дело. 1917. 14 и 16 окт.

[206] Germany and the Revolution in Russia. 1915 – 1918. Doc. № 53

что до Ленина доходили слухи о связях Моора с немецкой разведкой. Английский историк Х. Шурер считает, что Моор информировал немецких дипломатов в Швейцарии о деятельности политэмигрантов-интернационалистов, особенно большевиков еще с начала Первой мировой войны. Швейцарский историк Д. Хаас пришел к заключению, что активные контакты Моора с немецким посланником в Берне Ромбергом документально подтверждаются не ранее начала марта 1917 г. Как теперь установлено, Моор действительно был тайным агентом Германии под псевдонимом «Байер». Он часто встречался с различными группами русских политэмигрантов и регулярно отправлял донесения о своих беседах с ними, будь то видный большевик и соратник Ленина Г. Л. Шкловский или один из лидеров меньшевиков П. Б. Аксельрод. В одном из своих донесений, датированном 4 мая 1917 г., «Байер» сообщал, что он «прозондировал ряд представителей различных групп пацифистского крыла социалистов и они сказали, что было бы весьма желательно, чтобы систематическая, интенсивная и эффективная агитация в пользу мира поддерживалась бы кем-нибудь из хорошо известных нейтральных товарищей. После того, как они высказали явную, и я бы сказал, радостную готовность принять финансовую поддержку именно для работы в пользу мира, я сказал, что со своей стороны, был бы счастлив предоставить значительную сумму для такой благородной, гуманной и интернациональной цели». Отмечая, что его предложения были приняты собеседниками «с большим удовлетворением», агент указывал на побуждавшие их к этому мотивы – противники войны не имеют таких материальных возможностей вести свою разъяснительную работу в таких масштабах, как это делают сторонники войны, в поддержке которых «важную роль играет английское золото» – и «Антанта расходует колоссальные средства для поддержки военных усилий и подкупа влиятельных лиц». В заключение «Байер» предлагал выработанные условия оказания финансовой поддержки русских политэмигрантов: 1. Личность жертвователя гарантирует, что деньги идут из невызывающего подозрений источника; 2. Жертвователю или посреднику должен быть обеспечен въезд в Россию с этими деньгами; 3. В целях немедленной реализации выделенных финансовых средств необходимо иметь их в виде наличных денег, и наиболее подходящей формой здесь была бы швейцарская валюта[207].

Нам еще предстоит познакомиться с тем, как осуществлял эти принципы на практике сам К. Моор.

Еще одним «нейтральным» лицом, работавшим на Германию, был видный швейцарский социал-демократ и председатель Интернациональной социалистической комиссии Роберт Гримм, к которому в марте 1917 г. первоначально обращался Ленин за официальным содействием в возможном проезде через Германию, но затем отказался, поручив это Ф. Платтену. Находясь в мае 1917 г. в Петрограде, Гримм зондировал возможность заключения сепаратного мира между Россией и Германией. В телеграмме от 29 мая, адресованной члену правительства государственному советнику Швейцарии Гоффману и предназначенной для немецкой стороны, он сообщал: «Влиятельные круги в Петербурге понимают, что по причинам политического, военного и экономического характера нужно заключить мир. Франция тормозит этот процесс, Англия препятствует ему. В ближайшее время следует рассчитывать на усиление давления на мирное движение. Развитию дел в России в сторону мира может помешать лишь наступление Германии. Поэтому он, Гримм, просит советника Гоффмана, сообщить ему наши военные цели (если Гоффману они известны), чтобы он мог продолжать свою деятельность в Петербурге на основе этих данных»[208]. Однако секретная переписка Гримма тогда же стала известна Временному правительству, и он был выслан из России как агент германского правительства. Буржуазно-бульварная пресса была в восторге от «дела» Гримма: теперь в пособничестве немцам и содействии в сепаратном мире с Вильгельмом можно было обви-

[207] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 314 – 315.

[208] Там же. С. 320.

нить всех интернационалистов. Дело Гримма, по линии циммервальдского движения, рассматривала специальная комиссия, которая признала его действия противоречащими целям этого движения и освободила его от обязанностей председателя Интернациональной социалистической комиссии. В связи с этим Ленин писал Заграничному бюро ЦК: «Жалею очень, что „Циммервальдская комиссия“ не осудила Гримма строже! Следовало бы строже!»[209].

Попавший на страницы петроградских газет скандал с Гриммом был явно некстати для Ленина. В переписке со своими соратниками по партии, находившимися еще в эмиграции, он признается: «Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удается: есть сторонники и верные»[210]. Но 16 апреля в печати появилась резолюция исполнительной комиссии солдатской секции Петроградского Совета, в которой пропаганда так называемых ленинцев называлась «дезорганизаторской» и «не менее вредной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Выступая против принятия репрессивных мер в борьбе с этими вредными взглядами, руководство солдатской секции выражало настойчивое пожелание, чтобы Исполком Петроградского Совета в целях борьбы с дезорганизаторской пропагандой открыл планомерную агитацию как в печати, так и в особенности в воинских частях[211]. На следующий день Ленин разъяснял свои взгляды на заседании солдатской секции. Отвечая на главный вопрос, как ускорить дело мира, вождь большевиков отвечал, что «войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воющих стран. Практическое, немедленное средство для того, чтобы ускорить мир, есть и может быть только одно (кроме победы рабочей революции над капиталистами), именно: братанье солдат на фронте»[212]. Ленин посчитал необходимым высказаться и по поводу заключения сепаратного мира с Германией, заявив, что «Вильгельма считает кровопийцей, и конечно, не может быть разговоров о сепаратном мире с ним, – это бессмысленно… Ленинцы против сепаратного мира. Об этом они заявили еще в 1915 году…»[213].

Ленин откликается и на опубликованное в «Маленькой газете» обращение группы солдат, потребовавшей расследования обстоятельств проезда Ленина и его сторонников через Германию. Назвав это обращение «честным голосом, выделяющимся из потока грязной лжи, мутной клеветы и погромной агитации», он вместе с тем спрашивал, правильно ли поступили товарищи солдаты, которые уже торопятся и «клеймить» проехавших, и бранить их «предателями», и посылать им «проклятие», не познакомившись с тем разъяснением, что было опубликовано в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»[214].

Столичная пресса не упустила случая поместить и прокомментировать резолюцию матросов Балтийского флотского экипажа, встречавших Ленина 5 апреля на Финляндском вокзале в составе почетного караула. «Узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию с соизволения его величества императора германского и короля прусского, – говорилось в резолюции, – мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его торжественном въезде в Петербург. Если бы мы знали, какими путями он попал к нам, то вместо торжественных криков «ура», раздались бы наши негодующие возгласы: «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал»«[215].

Организатором погромных выступлений против Ленина и его сторонников стала кадетская партия, лидер которой П. Н. Милюков усмотрел «германские козни» еще в забастовках петроградских рабочих в февральские дни 1917 г. Теперь, в апреле, кадеты начали кампанию

---

[209] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447.

[210] ам же. С. 437.

[211] Известия Петроградского Совета. 1917. 16 апр.

[212] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 281.

[213] Там же. С. 276.

[214] Там же. С. 235 – 236.

[215] Петроградская газета. 1917. 14 апр.

протестов против агитации большевиков в частях столичного гарнизона, организовали демонстрацию инвалидов войны под лозунгом «Ленина обратно в Германию». «17 апреля в Петербурге состоялась грандиозная манифестация инвалидов, которая произвела большое впечатление на обывателей, – писал Н. Н. Суханов. – Огромное число раненых из столичных лазаретов – в повязках, безногих, безруких – двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. Кто не мог идти, двигались в грузовых автомобилях, в линейках, на извозчиках. На знаменах были подписи: «Война до конца», «Полное уничтожение германского милитаризма», «Наши раны требуют победы». Лозунги, изъятые из употребления масс, нашли себе пристанище на больничных койках. Искалеченные люди, несчастные жертвы бойни ради наживы капиталистов, по указке тех же капиталистов через силу шли требовать, чтобы для тех же целей еще без конца калечили их сыновей и братьев. Это было действительно страшное зрелище»[216].

Эта шумная акция не осталась не замеченной и в Германии. Ссылаясь на сообщение петроградского телеграфного агентства из Петрограда о состоявшейся там демонстрации раненых и увечных воинов с числом участников до 50 тыс. человек за продолжение войны, статс-секретарь иностранных дел Германии Циммерман в телеграмме германскому посланнику в Стокгольме Люциусу с беспокойством сообщал, что демонстрация направлена против Ленина и его сторонников и просил как можно скорее сообщить ему подробности[217]. Отвечая на эту телеграмму, Люциус писал, что полученная Циммерманом информация о событиях в Петрограде, «по-видимому, соответствует действительности, поскольку и политическая линия, которой придерживается Ленин и его пропаганда мира совершенно независимы, и он таким образом находится в резкой оппозиции к правительству»[218].

20 апреля 1917 г. в России разразился первый после Февральской революции серьезный политический кризис. В опубликованной в этот день ноте Временного правительства союзным державам открыто заявлялось, что с падением старой власти «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого». Возмущение этой нотой со стороны рабочих и особенно солдат Петроградского гарнизона, находившихся под воздействием манифеста Петроградского Совета «К народам всего мира» и декларации самого Временного правительства о целях войны, было столь сильным, что они вышли на улицы столицы с оружием в руках, вызвав политический кризис власти. Накалившуюся сразу обстановку пыталась использовать группа членов Петербургского комитета большевиков во главе с С. Я. Богдатьевым, призвавшая рабочих и солдат к насильственному свержению Временного правительства, но она не была поддержана ЦК большевиков и Лениным, расценившим этот призыв как авантюру[219]. Вместе с тем это выступление рабочих и солдат произвело на вождя большевистской партии столь сильное впечатление, что он увидел в нем решимость пролетарского авангарда взять власть и развивать всемирную рабочую революцию, растущую и в Германии[220].

Грозные признаки утраты влияния Петроградского Совета и нависшей угрозы над Временным правительством проявились не только в самостоятельном выходе ряда воинских частей на улицы Петрограда с оружием в руках, но и в бурном обсуждении ноты Временного правительства на солдатских митингах и собраниях, особенно после того, как стало известно о вооруженной демонстрации перед резиденцией Временного правительства – Мариинским дворцом. Судьба Временного правительства висела на волоске. По оценке военного министра А. И. Гучкова и командующего столичным гарнизоном Л. Г. Корнилова, военные власти распо-

[216] Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 43.

[217] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 308.

[218] Там же. С. 309.

[219] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 319 – 320.

[220] Там же. С. 326

лагали в дни апрельского кризиса всего 3,5 тыс. надежных войск против многотысячного гарнизона[221]. Вот почему члены Временного правительства, собравшиеся днем 20 апреля на квартире А. И. Гучкова, отклонили его предложение разогнать силой солдатскую демонстрацию как крайне опасное по своим непредсказуемым последствиям[222]. Хотя в конце концов лидерам Петроградского Совета удалось обуздать солдатскую стихию и запретить на время все демонстрации и манифестации в Петрограде, Временному правительству пришлось пожертвовать двумя ключевыми фигурами – П. Н. Милюковым и А. И. Гучковым и пойти на приглашение в свой состав представителей социалистических партий. Особенно укрепил свое положение социалист-революционер А. Ф. Керенский, получивший в новом, коалиционном правительстве пост военного министра. В этой связи можно было бы сказать, что эти события в России происходили как бы по «германскому сценарию», хотя правильно будет сказать, что они развивались в направлении, выгодном для Германии.

Интересно все-таки, как могут иногда предстать события в совершенно ином свете, если их главные действующие лица заинтересованы в том, чтобы скрыть в них свою истинную роль. А. Ф. Керенский, который в значительной степени был повинен во внутреннем конфликте в самом Временном правительстве, соперничая с Милюковым за власть и многоходовой интригой спровоцировав отставку министра иностранных дел[223], впоследствии попытался свалить всю вину за возникший политический кризис на Ленина. «Через две недели после его прибытия, когда город захлестнули вооруженные демонстрации солдат и матросов, организованные штабом Ленина, к немцам на линии фронта под белыми флагами явились никому не известные парламентеры, – писал он позднее. – Я считаю этот инцидент, о котором в то время ничего не знал, еще одним свидетельством того, что перед своим возвращением в Россию Ленин взял на себя обязательство заключить как можно скорее сепаратный мир с Германией. Упоминание об этом странном случае, которое я обнаружил в германских секретных архивах всего несколько лет назад, содержится в телеграммах, которыми обменялись между собой штаб Гинденбурга и имперское правительство»[224]. Поскольку основанные на этих документах обвинения в адрес Ленина более чем серьезны, нам придется хотя бы частично их здесь воспроизвести.

25 апреля 1917 г. представитель МИД Германии в Ставке Верховного главнокомандования направил канцлеру Бетман-Гольвегу следующую телефонограмму: «Генерал Людендорф сообщает следующее: События опережают переговоры с представителями Русского фронта. В настоящее время переговоры достигли столь решающей стадии, что тех, кто ведет переговоры с нашей стороны, следует отозвать и дать им, если потребуется, более подробную информацию для передачи русским наших более определенных условий мира. Таким образом, основы для этого могут быть выработаны в результате соглашения между верховным командованием Германии и Австро-Венгрии при участии министров иностранных дел соответствующих стран. Русский фронт находится в состоянии спокойного наблюдения. На изменение этого положения оказывают давление английские агитаторы, допущенные на фронт с согласия Временного правительства, а также наша агитация непосредственно во фронтовых районах. В настоящее время они уравновешивают друг друга. Мы легко можем склонить чашу весов на свою сторону, если сделаем на переговорах конкретные предложения тем русским, которые заинтересованы в мире. Выражая эту точку зрения, я прошу Ваше превосходительство согласовать с Австрией наши условия заключения мира на основе обмена мнениями в Крейцнахе 23.4. Тем временем я посоветую Обосту проинформировать русских о том, что им следует 1) удалить из зоны боевых действий английских и французских агитаторов; 2) направить к нам представителей

[221] Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978. С. 174

[222] Там же. С. 178.

[223] Там же. С. 181

[224] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 173.

от отдельных армий, с которыми мы могли бы вести серьезные переговоры». В дополнение к этому 7 мая рейхканцлер был информирован о поступившем от главнокомандующего восточными армиями генерала Гофмана «Докладе офицера разведки армии Эйхгорна о разговоре с двумя русскими делегатами к югу от Двины». Эти делегаты сообщили офицеру разведки, что «4 мая в Петербург были посланы два курьера с целью заставить приехать на фронт Стеклова, первого заместителя Чхеидзе, поскольку последний не может отлучиться из города. Стеклов, по их словам, склонен к компромиссам, и поэтому он считает важным, чтобы наша сторона тоже выслала члена партии. На вопрос, как воспринимается наша пропаганда, депутат ответил, что они не могут согласиться на аннексии. Если немцы с этим согласны, то русским ни к чему подлаживаться под Антанту – они тогда заключат сепаратный мир»[225].

Как заключал А. Ф. Керенский, «из всех этих документов со всей очевидностью вытекает, что Гинденбург, Людендорф, Бетман-Гольвег, Циммерман и даже сам кайзер готовились вести серьезные переговоры о сепаратном мире с теми лицами в Петрограде, которых считали способными навязать стране свою волю. Генерал Гофман, который, по сути дела, осуществлял командование Восточным фронтом, отнесся к приказу отправиться с Эрцбергером в Стокгольм для получения соответствующих инструкций столь скептически, что в своей книге «Война упущенных возможностей» приходит к абсурдному выводу, что «Керенский посылает нам своих людей будто бы для ведения мирных переговоров, чтобы усыпить бдительность германских военных властей и тем самым подготовить наступление русских армий». Однако люди, создавшие генеральный план (к этой группе генерал Гофман не относился), заранее знали, кто подпишет договор о перемирии или мире – Ленин»[226]. Как мне все же представляется, здесь бывший глава Временного правительства сильно домыслил за своих противников, а их желание иметь дело с Лениным выдал за тайную договоренность.

Опубликованные документы МИД Германии показывают, что немецкая сторона серьезно отнеслась к возможности переговоров о сепаратном мире с Россией и разработала секретную директиву на их проведение. 9 мая 1917 г. генерал Людендорф телеграфировал из Ставки Верховного главнокомандования о том, что «предложение русских вести переговоры со Стекловым принято». Содержавшееся далее предложение об установлении в месте переговоров телеграфной связи для сообщения обеих сторон с их правительствами[227], исключает возможность предположения о том, что речь могла идти о переговорах с представителями оппозиции. К тому же нет оснований считать, что за спиной Стеклова мог стоять Ленин, который в это время нещадно критиковал первого как одного из идеологов «революционного оборончества» и как раз за склонность к компромиссам и соглашательству. К тому же А. Ф. Керенский «запамятовал», что не Ленин, а Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов получил 25 мая (5 июня) именно от генерала Гофмана радиотелеграмму, в которой говорилось, что Германия изъявляет готовность идти навстречу желанию Совета рабочих и солдатских депутатов в вопросе о мире и требует лишь одного: «Пусть Россия откажется от требования публичного объявления германских условий и пусть она ведет переговоры с немцами втайне». 25 мая эта радиограмма попала в печать и Исполком Петроградского Совета был вынужден ответить «на провокацию германского генерального штаба» и обратился по этому поводу с воззванием к солдатам. «Германский генерал забыл о том, что русские войска знают, куда уведены с нашего фронта германские дивизии и тяжелые батареи, – отмечалось в опубликованном 26 мая воззвании. – Он забыл о том, что до России доносится шум кровавых боев на английском фронте и на французском. Он забыл о том, что Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома ее армии и повлечет за собою гибель революции, гибель свободы и гибель России». Выдержан-

[225] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 309 – 310.

[226] Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 175.

[227] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 313.

ное в духе революционного оборончества воззвание заканчивалось призывом: «Пусть армия своею стойкостью придаст мощь голосу русской демократии как перед союзными, так и перед воюющими с Россией странами. На провокацию германского генерального штаба возможен лишь один достойный ответ: Теснее сомкнитесь вокруг знамени революции, удвойте энергию в дружной работе над воссозданием боевой мощи России для защиты ее свободы, для борьбы за всеобщий мир».

Хотя дальнейшего развития событий не последовало и никаких переговоров со Стекловым не состоялось, интересно познакомиться с теми условиями, которые поручалось обсудить представителям германской стороны. Они включали урегулирование торговых отношений и поставку зерна Германии по льготным ценам, урегулирование возмещения убытков, прекращение конфискации частной собственности немцев в России и возмещение убытков от этой конфискации, обмен гражданскими пленными, отказ России от Курляндии и Литвы («в противном случае к России будет предъявлено требование о денежном возмещении за военнопленных численностью более 1 млн. человек, все еще находящихся у нас») и др. Последнее условие было сформулировано в категоричной форме: «Вопрос о созыве всеобщей мирной конференции не подлежит обсуждению, Германия и Россия сами скорее договорятся друг с другом»[228].

Интересно, что Ленин резко отрицательно отнесся к планировавшейся в Стокгольме международной социалистической конференции. Инициатором этой конференции выступил Объединенный комитет рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции, от имени которого в Россию во второй половине апреля приехал датский социал-демократ Боргбьерг, чтобы пригласить ее социалистические партии участвовать в конференции. Выступая 25 апреля 1917 г. на заседании Исполкома Петроградского Совета, Боргбьерг откровенно заявил, что германское правительство согласится на те условия мира, которые предложит германская социал-демократия на социалистической конференции. И здесь вождь большевиков реагировал совсем не так, как должен был бы действовать по директиве своих «немецких патронов». Выступая на Всероссийской апрельской конференции своей партии, он сказал, что «за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма», а относительно условий германской социал-демократии заметил: «Тут не может быть и тени сомнения, что это предложение немецкого правительства, которое не делает таких шагов прямо…»[229]. Боргбьерг был заклеймен большевиками как «агент германского империализма», а международная социалистическая конференция в Стокгольме по многим причинам так и не состоялась и не в последнюю очередь из-за занятой Лениным позиции. Можно спорить, было ли это выгодно Германии, положение которой большевистский лидер назвал «самым отчаянным», утверждая при этом, что «страна накануне гибели»[230].

Не питая особых иллюзий относительно возможностей международной социалистической конференции, политическое руководство Германии предполагало тем не менее использовать ее в своих целях. В Стокгольм был направлен с секретной миссией Парвус, о приезде которого туда информировал 9 мая 1917 г. свое доверенное лицо статс-секретарь иностранных дел Циммерман. Подчеркивая, что доктор Гельфанд приезжает в Стокгольм, «чтобы работать в наших интересах на социалистическом конгрессе», он просил оказывать ему всяческое содействие[231]. Как видно, не так уж был не прав Ленин, называя намеченную конференцию «комедией с переодеванием». «Бетман-Гольвег едет к Вильгельму, Вильгельм призывает Шей-

[228] Там же. С. 313 – 314.

[229] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 365

[230] Там же. С. 366

[231] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 316.

демана, Шейдеман едет в Данию, – говорил он, – а в результате – Боргбьерг едет в Россию с условиями мира»[232].

Что касается ленинских установок достижения мира, то они стали предметом ожесточенных споров на митингах, собраниях, демонстрациях, манифестациях и особенно в печати. В первое время после революции солдаты ловили каждый печатный клочок бумаги, гонялись за газетами, с живейшим интересом обсуждали прочитанное, черпали в прессе руководящие начала по самому жгучему для них вопросу – отношение к войне. Это лучше других поняли большевики, которые первыми среди политических партий и групп сумели возобновить и наладить издание своего центрального органа. 5 марта 1917 г. первый номер «Правды» вышел небывалым в истории большевистской печати тиражом – 100 тыс. экземпляров и был распространен бесплатно в считанные часы среди рабочих и солдат. В апреле 1917 г. у большевиков до возвращения их вождя из эмиграции выходило около 15 газет в различных городах России. Основываясь на достаточно свободном толковании переписки Ленина с Ганецким, некоторые авторы связывают издание этих газет с финансированием из Стокгольма; другие, ссылаясь на широко теперь известную телеграмму статс-секретаря иностранных дел Кюльмана представителю МИД при Ставке от 5 декабря 1917 г., прямо указывают на немецкий источник финансирования большевистской печати. Действительно в этом документе говорится: «Только когда мы по разным каналам и под разными предлогами обеспечили большевикам постоянный приток фондов, они сумели проводить энергичную пропаганду в своем главном органе «Правде» и значительно расширить прежде весьма слабый базис своей партии»[233]. Однако отдельным авторам это кажется не слишком убедительным, и они «подправляют» Кюльмана, приписывая ему тезис о том, что благодаря немецкой денежной помощи большевики «смогли создать свой основной орган „Правду“«…[234] Самые же вольные интерпретаторы этого документа утверждают, что с приездом Ленина на немецкие деньги были созданы десятки большевистских газет.

В действительности партийная касса большевиков в Петрограде в начале 1917 г. насчитывала всего несколько тысяч рублей. А. Г. Шляпников, являвшийся связным между русским и заграничным бюро РСДРП и занимавшийся по совместительству «огромной работой по изысканию материальных средств для партии», позднее писал о безуспешных попытках в начале 1917 г. пополнить партийную кассу большевиков. Он пытался получить финансовую помощь от бывших социал-демократов, занимавших в то время видные посты на капиталистических предприятиях, в различных организациях, служивших инженерами и директорами крупных фирм, зарабатывавших десятки тысяч рублей. «К некоторым из этих господ, ныне являющихся «товарищами», членами нашей РКП, – писал А. Г. Шляпников, – я лично посылал людей для зондирования, но безуспешно… На наш призыв ответили очень немногие и очень некрупные по своему тогдашнему положению в обществе товарищи»[235].

Но и после возвращения Ленина в Россию, судя по тревожной переписке, которую он вел по приезде в Петроград с Ганецким и Радеком, находившимися в Стокгольме, финансовое положение большевиков оставалось затруднительным. «Дорогие друзья! – обращается к ним Ленин 12 апреля 1917 г. – До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили»[236]. 21 апреля Ленин сообщает Ганецкому, что деньги (2 тысячи) от Козловского получены[237]. Интересно, что эта переписка позднее была использована против Ленина его соратником Сталиным. После того, как последний узнал, что умирающий вождь партии

[232] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 369

[233] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 353.

[234] Был ли Ленин немецким агентом? Документы. Пер. с англ. Составитель В.И. Кузнецов. СПб., 1994. С. 58.

[235] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М.; Пг., 1925. Ч.II. С. 98 – 99.

[236] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 437.

[237] Там же. С. 438.

предложил переместить его с поста генсека, Сталин решил отомстить и дал щекотливое задание своему личному секретарю И. П. Товстухе, направленному в помощь Л. Б. Каменеву по изданию сочинений Ленина, – найти компромат на вождя революции. Тогда-то и появились в журнале «Пролетарская революция» (1923 г. № 9) эти денежные документы. Конечно, Сталин знал больше того, что могли сказать выхваченные из контекста всей переписки эти телеграммы, но они определенно давали пищу для подозрений и обвинений Ленина.

Как бы то ни было, 2 тыс., даже если это не последние 2 тыс., которые передал Ганецкий на нужды партии, это не те деньги, на которые можно было учреждать и издавать десятки большевистских газет. Партийная касса большевиков, если основываться на опубликованных еще 25 лет тому назад приходно-расходной книге и месячных Финансовых отчетах ЦК РСДРП(б), была почти пуста, как бы ни пытались утверждать обратное те, кто в это не верит. Для того, чтобы возобновить издание «Правды», пришлось занять 20 тыс. руб. в союзе трактирщиков. Приход кассы ЦК за март – апрель составил всего около 15 тыс. руб., а расходы – почти 10 тыс. руб. Не лучше обстояло дело и в мае, когда приход составил 18 тыс. руб., а расход 20 тыс. [238]. Поэтому, когда в апреле встал вопрос о приобретении собственной типографии для издания «Правды», пришлось снова прибегнуть к уже оправдавшей себя в 1912 – 1914 гг. практике – к добровольным пожертвованиям со стороны рабочих и солдат. Кстати, к таким же методам поддержки своей печати обращались тогда и другие политические партии – социал-демократы меньшевики, социалисты-революционеры. Опубликованное на страницах «Правды» обращение к рабочим и революционным солдатам помочь в покупке типографии нашло широкий отклик. Регулярно помещаемые в «Правде» сводки о ходе сбора средств показывают, что в нем только в Петрограде участвовали рабочие и служащие 500 фабрик и заводов, почти 100 воинских частей и кораблей. В результате в мае 1917 г. удалось купить за 225 тыс. руб. типографию по Кавалергардской улице. Всего же в фонд «Правды» с 5 марта по 25 октября 1917 г., по подсчетам историков большевистской печати, было собрано около 500 тыс. рублей [239].

Можно подвергать критике и сомнению приведенные выше сведения, но других конкретных данных о финансировании «Правды» не удалось обнаружить даже Д. А. Волкогонову, искавшему их в самых секретных архивах. Поэтому, принимая во внимание все имеющиеся на сегодня источники, по крайней мере, можно утверждать, что «Правда» издавалась не только на немецкие деньги. Кстати, статс-секретарь иностранных дел Циммерман, отмечая в конфиденциальном документе от 5 июня 1917 г., что «ленинская пропаганда мира усиливается, и тираж газеты «Правда» уже достиг 300 000 экземпляров»[240], отнюдь не ставит это в заслугу немецкой стороне, и вообще не упоминает ни о каком финансировании, хотя в данном случае и мог бы. А сам факт трехкратного преувеличения тиража «Правды» говорит о том, что его информатор взял эту цифру с «потолка», желая, возможно, таким образом усилить роль незримой помощи. Как отмечалось на VI съезде РСДРП(б), к началу июля 1917 г. тираж «Правды» составлял 85 – 90 тыс. экземпляров. Всего же у большевиков на это время имелось по стране свыше 40 печатных изданий, общий тираж которых достигал полутора миллиона экземпляров в неделю[241].

Для партии, в рядах которой в это время состояло свыше 200 тыс. членов, иметь такое количество печатных изданий, почти половина которых выходила на латышском, литовском, эстонском, армянском, азербайджанском, грузинском и польском языках, было необходимостью, вызванной ее нацеленностью на завоевание политической власти. Ни одна политическая партия не имела в то время такой влиятельной Военной организации со своим печатным органом, как большевики.

---

[238] Аникеев В.В. Документы Великого Октября. М., 1977. С. 206.

[239] Сазонов И.О. Большевистское слово. Л., 1978. С. 129 – 137.

[240] Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 326.

[241] Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 147 – 150

Неудивительно поэтому, что, когда социалистическая и в первую очередь большевистская печать хлынула на фронт, остановить ее распространение не было никакой возможности. По свидетельству генерала А. И. Деникина, эта литература попадала в окопы «частью – стараниями всевозможных партийных и «военных бюро» и «секций» Петрограда и Москвы, частью при посредстве «культурно-просветительных» комиссий и войсковых комитетов. Средства были разнообразные: одни исходили из темных источников, другие – взяты полупринудительно из войсковых экономических сумм, третьи – легально отпущены старшими военными начальниками, из числа оппортунистов»[242]. Командующий Юго-Западным фронтом генерал А. Е. Гутор даже открыл на эти цели кредит в 100 тыс. рублей, а командующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов субсидировал из казенных средств издание большевистской газеты «Наш путь»[243]. Как видно даже из этого, источники финансирования большевистской печати были не только «темными».

Политические противники Ленина и большевиков видели в них главных виновников развала фронта и поражений русской армии. Однако в действительности было все сложнее: восприятие антивоенной пропаганды в окопах было подготовлено самим характером кровавой и изнурительной войны, Размышляя о причинах разложений армии, военный министр Временного правительства А. И. Гучков, продержавшийся на этом посту всего два месяца, считал необходимым признать перед своими коллегами по Государственной думе суровую правду: «Не нужно, господа, представлять себе, что это болезненное явление было результатом исключительно какой-то агитационной работы каких-то злонамеренных людей вроде Ленина и его соратников, или просто легкомысленных или несведущих людей, которые не ведают, что творят. Господа, эта болезнь является не только результатом этих заразных начал. Несомненно, что почва была подготовлена давно и общим укладом нашей жизни, и постановкою народного воспитания, которое мало развило в массах чувство сознательного, деятельного и пламенного патриотизма, а главное – чувство долга, и этой тягостной войною, продолжающейся почти три года и истощившей морально и физически народные массы»[244].

В этом мог воочию убедиться и новый военный министр А. Ф. Керенский, приехавший в мае 1917 г. на Юго-Западный фронт для моральной подготовки запланированного июньского наступления русской армии. Сначала революционный министр был встречен в армии с необычайным энтузиазмом, его пламенные и зажигательные речи находили восторженный отклик у солдат. Но стоило Керенскому начать убеждать их в необходимости продолжать войну, как, «толпа поворачивала к нему лик зверя, от вида которого слова останавливались в горле и сжималось сердце» [245]. А затем первоначальный триумф и вовсе обернулся для Керенского полным конфузом. «Мы приехали в Тернополь в день начала артиллерийской подготовки, – вспоминал член Исполкома Петроградского Совета В. Б. Станкевич, – и командование фронта решило использовать пребывание Керенского для агитации в армии. В первый день его повезли в 1-й гвардейский корпус. Колоссальная масса солдат… Но командный состав был в волнении – главный агитатор и смутьян, капитан Дзевалтовский, знаменитый большевик, не явился на митинг. И поэтому, по мнению командного состава, митинг наполовину терял свое значение, так как останутся неопровергнутыми главные аргументы, колеблющие порядок. Между тем, Дзевалтовский с двумя наиболее непокорными и деморализованными полками расположился в стороне и в середине митинга, прислал депутацию к Керенскому с просьбой прийти к ним… И началась позорная картина бесполезного словопрения с заведомо несогласными. Первую речь тоном обвинителя произнес Дзевалтовский, самоуверенно и вызывающе повторивший

[242] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Париж. 1921. С. 83.

[243] Там же.

[244] Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М. – Л., 1932. С. 3 – 5.

[245] Деникин А.И. Указ. соч. С. 144

нападки большевистской прессы. Потом по пунктам отвечал Керенский, потом опять говорил Дзевалтовский. Часть аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому, но большинство слушало молча, думая про себя свою думу и, вероятно, не отдавая отчета в происходящих спорах и смутно сознавая, что вопрос шел о кардинальнейшем для каждого вопросе – идти в наступление или не идти… В общем, конечно, был провал. Впечатление уступчивости, нерешительности власти на фоне растерянности командного состава не предвещало ничего доброго»[246].

В этих условиях у командных верхов появился большой соблазн свалить всю вину за развал армии на левые партии и в первую очередь на большевиков. Верховный главнокомандующий генерал Д. Д. Брусилов в телеграмме на имя министра-председателя Временного правительства подчеркивал, что «оздоровление в армии может последовать после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену!»[247] Более объективно, хотя столь же пессимистично смотрел на положение в армии командующий Западным фронтом генерал А. И. Деникин, который писал: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»[248].

Яркий и вместе с тем типичный документ солдатской психологии привел командующий 9-й армии генерал Лечицкий в письме военному министру Д. И. Гучкову от 20 апреля 1917 г. «Братья, – говорилось в солдатском обращении, – просим вас не подписываться которому закону хочут нас погубить, хочут делать наступление, не нужно ходить, нет тех прав, что раньше было, газеты печатают, чтобы не было нигде наступление по фронту, нас хотят сгубить начальство. Они изменники, наши враги внутренние, они хотят опять чтобы было по старому закону. Вы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалованье, вот и они хочут нас сгубить, мы только выйдем до проволочных заграждений, нас тут вот и побьют, нам все равно не порвать фронт неприятеля, нас всех сгубят, я разведчик хорошо знаю, что у неприятеля поставлено в десять рядов рогаток и наплетено заграждение и через 15 шагов пулемет от пулемета. Нам нечего наступать, пользы не будет; если пойдем, то перебьют, а потом некому будет держать фронт, передавайте, братья, и пишите сами это немедленно»[249].

Массовый и все более организованный характер начинало приобретать братание, которое, по свидетельству генерала А. И. Деникина, случалось и раньше, до революции, но вызывалось оно тогда исключительно беспросветным состоянием в окопах, любопытством и просто чувством человечности русского солдата даже в отношении к врагу. «Теперь же, – отмечал Деникин, – немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрирование внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого, якобы, исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы. А в то же время по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета с аналогичной проповедью, с организацией показного братанья и с целым ворохом «Правд», «Окопных правд», «Социал-демократов» и прочих творений отечественного социалистического разума и совести…»[250].

---

[246] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914 – 1919. Берлин. 1920. С. 151 – 153

[247] Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. – Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 164

[248] Там же.

[249] Разложение армии. Сб. док. М. – Л., 1930. С. 35 – 36

[250] Деникин А.И. Указ. соч. С. 75 – 76.

Глубокий анализ боевого и морального состояния русской армии и потрясающую картину ее разложения в 1917 г. дал один из самых авторитетных специалистов генерал Н. Н. Головин в своей книге «Военные усилия России в мировой войне», первое издание которой вышло в Париже еще в 1939 г. Однако на русском эта книга появилась только теперь[251]. Современные исследователи этой проблемы также приходят к выводу о том, что в результате острой политической борьбы, развернувшейся в России после Февральской революции, русская армия была полностью деморализована и не была способна решать крупные стратегические задачи[252]. Германия также внесла свой вклад в это разложение русской армии, организуя в широких масштабах братание на фронте, предпринимая в самых различных направлениях усилия по достижению сепаратного мира с Россией.

[251] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001

[252] Жилин А.П. Указ. соч. С. 165.

Глава пятая. Ллойд Джордж: «Тень огромной фигуры Ленина начала подниматься над горизонтом»

Возвращение Ленина в Россию создало новую политическую ситуацию как для Временного правительства, так и для его союзников в войне против Германии и Австро-Венгрии. Выдвинутый в Апрельских тезисах лозунг «Вся власть Советам!» определил линию политического и социального размежевания в стране, усилил раскол общества, вызванного Февральской революцией. 13 апреля рабочие завода «Старый Парвиайнен», обсудив на своем собрании «текущий момент», приняли резолюцию, впервые столь решительно выдвигавшую целую систему самых радикальных мер. Важнейшими среди них были «смещение Временного правительства, служащего только тормозом революционного дела», и передача власти Советам, окончание империалистической войны и опубликование тайных военных договоров; организация Красной гвардии и вооружение народа, реквизиция продуктов питания и установление твердых цен на товары широкого спроса, конфискация помещичьих и монастырских земель, передача орудий производства в руки рабочих[253]. И это не было мнением только одной группы рабочих, как пытались в этом уверить эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета: резолюции подобного характера начинают обсуждаться и приниматься рабочими других предприятий столицы и в скором времени приобрели массовый характер.

Союзников России особенно волновала проблема, как удержать ее в войне. «Те из нас, кто питал надежду, что русская революция упрочит и вновь оживит боевую мощь России в последней войне, – писал позднее английский премьер-министр Ллойд Джордж, – с течением времени весьма неохотно пришли к сознанию того, насколько не поддается учету ход развития революции»[254]. Оценивая шансы тех, кто мог бы повлиять на этот ход, английский премьер-министр с сожалением признавал, что единственно действительно сильная личность, вознесенная русской революцией, была больше заинтересована в свержении существующего общественного строя, чем в поражении немцев. «Вскоре после того как разразилась революция, тень огромной фигуры Ленина начала подниматься над горизонтом, – писал Ллойд Джордж. – Впервые она упала на покрытый зеленый стол на Даунинг-стрит в виде донесения сэра Джорджа Бьюкенена» [255]. В этом донесении 30 апреля 1917 г. английский посол в Петрограде выражал большую тревогу по поводу «подрывной роли» вернувшегося в Россию Ленина и неприятия к нему мер со стороны Временного правительства. Последнее, по его словам, все еще держится выжидательной позиции и предпочитает, чтобы инициатива в отношении Ленина исходила от народа. «Милюков, с которым я как-то говорил по этому вопросу, сказал, что возмущение народа против Ленина растет, и что войска готовы арестовать его, когда правительство отдаст об этом приказ, но что последнее не хочет ускорять событий из опасения вызвать гражданскую войну, – сообщал далее Бьюкенен. – Я сказал ему, что для правительства наступила пора действовать, и что Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет разрешено продолжать возбуждать солдат к дезертирству, к захвату земли и к убийствам. Он ответил, что правительство выжидает лишь психологического момента, который, по его мнению, не за горами»[256].

---

[253] Известия Петроградского Совета. 1917. 15 апр.

[254] Ллойд Джордж. Военные мемуары. Пер. с англ. Т. 5. М., 1938. С. 63.

[255] Там же. С. 64

[256] Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 244.

«Господа министры» Временного правительства, находясь в глубоком убеждении, что Ленин – германский агент и что его возвращение в Россию связано с интересами германского генерального штаба, тем не менее не решались на принятие против него репрессивных мер не только потому, что в их распоряжении еще не было каких-либо доказательств «государственной измены» вождя большевиков; и даже не потому, что могли натолкнуться на противодействие Петроградского Совета, под влиянием которого находился столичный гарнизон. Мешал в первую очередь крайне неблагоприятный экономический фактор: в глазах народных масс все более очевидным представал крах народного хозяйства под влиянием войны. Угрожающие сведения о разрухе и тяжелом продовольственном положении не сходили со страниц газет. Министр финансов М. И. Терещенко публично признавал, что государственный долг России уже приблизился к 40 миллиардам рублей, что, оказывается, по окончании войны придется платить одних процентов два с половиной миллиарда ежегодно[257]. И потому не только солдаты и рабочие, но и широкие обывательские круги начинали все более недоверчиво относиться к политике Временного правительства, призывавшего к новым жертвам во имя интересов революционной России. 8 мая 1917 г. историк С. Б. Веселовский отметил в своем дневнике: «В газетах – призывы и угрозы Временного правительства оказать давление на союзников. Со стороны людей, подкупленных Германией, это понятно, т. к. может повести к разрыву с союзниками, но ведь и добросовестные, доморощенные идиоты, а, главное, есть публика, которая верит этому бреду и принимает его за чистую монету»[258].

Поэтому действительно был нужен психологический перелом, и его стали готовить в недрах Временного правительства с помощью представителей многочисленных миссий и делегаций, направленных в Россию из Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и др. 11 апреля 1917 г. государственный секретарь США Р. Лансинг под влиянием поступавших из России тревожных сведений о том, что «социалистические круги требуют мира», обратился к президенту В. Вильсону: «Меня это серьезно беспокоит. Я хочу, чтобы мы сделали что-нибудь для того, чтобы помешать социалистическим элементам в России осуществить любой план, который может подорвать усилия союзных держав» [259].

В качестве одного из таких средств в Россию была послана миссия Э. Рута. Но США располагали и более мощным средством воздействия – это финансовый рычаг. Признав Временное правительство 9(22) марта первыми, правящие круги США еще до своего вступления в войну с Германией обещали России открыть кредит для закупки военного снаряжения[260]. Но это обещание финансовой помощи было обставлено рядом ультимативных требований, которые были выражены в телеграмме директора «Сити бэнк» Мак-Робертса в Петроград. «Конгресс вотировал военный заем в семь миллиардов, три из которых предназначены России и союзным правительствам, – говорилось в этой телеграмме. – Здесь наблюдался большой энтузиазм по поводу русских правительственных реформ, но получившие широкое распространение в прессе последние сообщения о том, что новое правительство находится под контролем радикальных социалистов, которые стремятся к сепаратному миру с Германией, серьезно вредят здесь интересам России. Если эти сообщения не прекратятся, они могут воспрепятствовать участию России в займе, предоставляемом союзникам…»[261]. В результате в течение первых двух послереволюционных месяцев Временное правительство не получило от США ни доллара. Американская сторона прекратила в это время даже упоминания о полумиллиардном долларовом кредите, который считался делом уже решенным. И в то время как англичане

[257] Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3 – 4. М., 1991. С. 51

[258] Веселовский С.Б. Дневники 1915 – 1925 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 89.

[259] The Lansing Papers. 1914 – 1920. Vol. II. Washington. 1940. P.325.

[260] См.: Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914 – 1917. Л., 1969. С. 167 – 180

[261] Там же. С. 190.

стали пользоваться американскими кредитами, Россию перестали кормить даже обещаниями. И только накануне прибытия миссии Рута в Россию в середине мая Временное правительство получило кредит в 100 млн. долларов на размещение заказа на подвижной состав[262].

Однако теперь только что сформированному Временному правительству на коалиционной основе с представителями социалистических партий нужна была еще более срочная помощь от союзников, а именно: как, оставаясь верным своим обязательствам не выходить из войны, выглядеть дома сторонником заключения «мира без аннексий и контрибуций». По многим причинам это была сверхзадача, и чтобы попытаться ее решить, были нужны необычные ходы. Между тем Великобритания, Франция и Соединенные Штаты продолжали оказывать непрерывное давление на Временное правительство, требуя от него активизации военных усилий на фронте. По словам французского генерального консула в Москве Гренара, «союзники были ослеплены в своем желании продлить любой ценой военное сотрудничество с Россией. Они совершенно не видели, что возможно, а что нет. Таким образом, они играли на руку Ленину и отчуждали Керенского от народа»[263]. Британский генеральный консул в Москве Локкарт впоследствии сравнивал действенность союзнических делегаций с «каплей пресной воды в самом соленом из морей»[264].

Впрочем, нашлась и «капля» сильно действующего яда, которую имел в своем багаже французский министр по делам вооружений Альбер Тома, прибывший специально в Россию, чтобы поддержать Временное правительство и выяснить степень готовности русской армии к наступательным операциям. «В середине апреля в Петроград прибыл французский министр снабжения Альбер Тома, – вспоминал в 60-е гг. А. Ф. Керенский. – Он привез с собой и передал князю Львову некоторую в высшей степени важную информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами. Однако французский министр обусловил это требованием, чтобы о том, что он – источник информации, сообщили лишь тем министрам, которые займутся расследованием обстоятельств дела. Через несколько дней на секретном совещании князь Львов с согласия Тома поручил расследование столь серьезного дела Некрасову, Терещенко и мне»[265]. Еще раньше, в начале 50-х годов бывший министр-председатель Временного правительства признал, что мысль устроить судебную расправу над Лениным и большевиками возникла у него в результате встречи с А. Тома, который посоветовал ему называть большевиков «агентами германского генерального штаба»[266]. В действительности, как показывает С. С. Попова в своем исследовании «Французская разведка ищет „германский след“»[267], основанном на изучении материалов Центра хранения историко-документальных коллекций, дело обстояло несколько иначе. Скорее всего, считает она резонно, в апреле А. Тома серьезными уликами еще не располагал и основывался на догадках и предположениях в связи с проездом Ленина через Германию. Только в Петрограде в ходе многочисленных встреч и наблюдений Тома убеждается, что большевистская оппозиция представляет собой серьезную силу. «Французский министр с видом российского мужиковатого земца энергично агитировал, убеждал, опровергал, полемизировал, – писал в связи с этим Н. Н. Суханов. – С ним за компанию снова приходили Кашен, Муте и Лафон. Но их посещения и все эти разговоры не могли по существу дела дать уже ровно ничего. Осадок же они оставляли неприятный: люди, с ног до головы опутанные тенетами империализма, ходят к нам просить поддержки своему неправому делу и томительной, никчемной фразеологией пытаются

[262] Там же. С. 228 – 229

[263] Цит. по Кн. : Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 195.

[264] Там же

[265] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1995. С. 220.

[266] Последние новости (Париж). 1932. 11 июня.

[267] Попова С.С. Французская разведка ищет «германский след». – Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 264 – 273.

убедить нас забыть хорошо усвоенную нами грамоту»[268]. По-видимому, это понял и А. Тома, направив в начале июня 1917 г. французскому атташе в Стокгольме, своему однофамильцу Л. Тома следующее предписание: «Нужно дать правительству Керенского не только арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, а для этого необходимо выяснить при каких условиях противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко раздают, и кто за ними стоит. По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции. Срочно направьте все ваши поиски в этом направлении и держите русское правительство в курсе ваших действий и поисков» [269].

Так французская разведка вышла на Я. С. Фюрстенберга (Ганецкого), члена заграничного представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. Собранная о нем по различным каналам информация поступала к А. Тома и межсоюзную секцию военного министерства Франции, в которую входили начальники разведок союзных военных миссий во Франции. Россия была представлена там Павлом Игнатьевым, братом начальника русской военной миссии во Франции Алексея Игнатьева. Что же удалось выяснить французской разведке в результате наблюдения за главными подозреваемыми в Стокгольме? 24 июня 1917 г. французский военный атташе Л. Тома сообщает «наверх» первые сведения: Фюрстенберг (Ганецкий) является клиентом стокгольмского «Ниа банкен» (Новый банк) с апреля – мая 1916 г. по рекомендации М. Гуревича, занимавшегося коммерческими операциями с Германией и Румынией. С 30 января по 8 июня 1917 г. Русско-Азиатский банк перевел на счет Фюрстенберга в «Ниа банкен» 416 тыс. рублей от разных лиц, в том числе и 200 тыс. руб. от Суменсон из Петрограда. Кроме того, у Фюрстенберга был счет и в «Дисконто банк» в Копенгагене. Л. Тома поручает своим подчиненным начать сбор сведений в Русско-Азиатском, Сибирском и Копенгагенском банках. Он также дает задание проверить, действительно ли Фюрстенберг является владельцем коммерческой фирмы в Копенгагене, которая занималась закупкой ширпотреба в Германии и его перепродажей в России. Как разведчик Л. Тома предполагает, что «это может быть только фасад для прикрытия движения крупных фондов», заключая при этом: «Очень скромная жизнь, которую ведет Фюрстенберг, его нахождение в Швеции, когда он ведет дела в Копенгагене, подтверждают эту гипотезу»[270].

Резидент французской разведки в Дании направляет в конце июня в свое военное министерство отчет под названием «Немецко-русские агентства пропаганды». О самом Фюрстенберге сообщалось, что он занимался в Копенгагене контрабандой немецких товаров и был выдворен из Дании, а его фирма распущена. То, что не удалось выяснить в 1917 г. французской разведке, позднее расследовал английский историк М. Фатрелл, который установил, что Фюрстенберг (Ганецкий) был арестован в Копенгагене в январе 1917 г. по обвинению в незаконном экспорте термометров, шприцов и других медицинских изделий. Оборот этой датской кампании, управляющим которой был Фюрстенберг, исчислялся десятками тысяч фунтов стерлингов, а источником большей части прибыли была контрабанда противозачаточных средств в Германию и Россию. Ганецкий заплатил штраф и был депортирован в Стокгольм[271], где продолжал заниматься коммерческой деятельностью, а с конца марта 1917 г. еще стал и членом заграничного представительства ЦК РСДРП(б). В числе раскрытых французской разведкой в Копенгагене «немецко-русских агентств пропаганды» фигурировали Рабочая организация, которая могла сообщить все сведения о Фюрстенберге, и общество (институт) изучения социальных последствий войны. Основываясь на том, что это общество было создано немецкими и

[268] Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 75

[269] Попова С.С. Указ. соч. С. 266

[270] Там же. С. 266 – 267

[271] См.: Фишер Л. Указ. соч. С. 166 – 167.

русскими социал-демократами и что там каждое утро бывает русский социал-демократ Парвус-Гельфанд, французская разведка полагала, что связанные с рабочей организацией руководители социал-демократической партии Дании Боргбьерг, Стаунинг и др. представляют целое звено в усилиях по заключению мира, исходящих из Германии и возвращающихся обратно через Швейцарию, Швецию, Данию и Россию. «Без сомнения, – отмечалось в отчете, – вышеназванные лица находятся в связи с основным русским автором Лениным» [272]. Но никаких доказательств по этому поводу не приводилось.

Самым существенным аргументом, работавшим на полученное от А. Тома задание «доказать в интересах Временного правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги»[273], стали перехваченные французской разведкой телеграммы, которыми обменивались из Копенгагена, Христиании и Петрограда наблюдаемые ею лица. Хотя петроградская контрразведка, по утверждению ее начальника Б. В. Никитина, уже взяла «под колпак» эту переписку, расследование, по его же признанию, «приняло серьезный характер лишь после того, как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм между Стокгольмом и Петроградом»[274]. «Блестящий офицер» Пьер Лоран возглавлял в Петрограде филиал разведслужбы генерального штаба Французской армии и, скорее всего, получил эти телеграммы от французского военного атташе в Стокгольме Л. Тома, получившего задание от своего шефа А. Тома «явиться лично к М. И. Терещенко в Петроград, чтобы реорганизовать службу контроля за пассажирами, которым разрешен въезд в Россию»[275]. Французская разведка первой высказала мнение, что перехваченные ею телеграммы носят зашифрованный характер и что в них использовался условный телеграфный код для отправки денег и уведомления об их получении[276].

Петроградская контрразведка сразу же ухватилась за эту версию, и, как был убежден Б. В. Никитин и в 30-е гг., часть из полученных от французских коллег 29 телеграмм была «иносказательного характера». По признанию начальника петроградской контрразведки, главная ценность этих телеграмм «заключалась не в тексте, который можно было без конца комментировать, а в адресах лиц, которым они посылались»[277].

Однако здесь следует сказать об одном чрезвычайно важном документе, который не получил огласки ни в 1917 г., ни позднее, в мемуарной и исследовательской литературе – справке «Переписка Ленина», составленной службой телеграфного контроля за корреспонденцией в Петрограде и направленной в июле 1917 г. в военное министерство Франции. В этой справке сообщалось, что Я. Фюрстенберг – основной корреспондент группы Ленина в Швеции, которому было поручено организовать вместе членов этой группы и выпуск литературы для пропаганды идей партии – по приезде в Стокгольм отправил телеграммы с извещением о своем приезде четырем адресатам в Петрограде: Коллонтай, Козловскому, сестре Ленина – Ульяновой и Суменсон. Наблюдение за корреспонденцией, отмечалось в этом документе, позволило установить следующее: «Три первых адреса чисто политические, напротив, телеграммы, которыми обменивался Я. Фюрстенберг с Суменсон, коммерческого характера. Задолго до революции они показались подозрительными всего лишь с коммерческой точки зрения, так как товары, предлагавшиеся Я. Фюрстенбергом для Суменсон, могли быть немецкого происхождения (салол, химические продукты, дамское белье, карандаши и т. д.)»[278].

---

[272] Попова С.С. Указ. соч. С. 267 – 268.

[273] Там же. С. 268

[274] Никитин Б.В. Роковые годы. М., 2000. С. 92

[275] Попова С.С. Указ. соч. С. 268.

[276] Там же.

[277] Никитин Б.В. Указ. соч. С. 95

[278] Попова С.С. Указ. соч. С. 268 – 269.

Таким образом справка телеграфного контроля «Переписка Ленина» не подтверждала подозрений в зашифрованном характере переписки между Стокгольмом и Петроградом, но она уже не имела никакого значения ни для французской разведки, ни для петроградской контрразведки, взявших «германский след». Французский военный атташе в Петрограде Лавернь за неделю до того, как Ленин и другие руководители большевиков будут официально названы «германскими шпионами», сообщал своему руководству о первых результатах, которых удалось получить «в изучении дела Ленина и большевиков благодаря помощи Копенгагена и Стокгольма». Основными результатами, по мнению Лаверня, были следующие: 1. Главным политическим агентом большевиков в Скандинавии является Яков Фюрстенберг, который служит посредником и для социалистических партий нейтральных стран. 2. Фюрстенберг – немецкий агент, передающий Берлину информацию о намерениях большевиков. 3. Предположительно многие из его окружения, связанные с Лениным, также являются немецкими шпионами. 4. «По еще не уточненным, но правдоподобным данным», сестра Ленина занималась шпионажем в восточной армии, а муж его другой сестры – управляющий самого подозрительного страхового общества «Волга»[279].

Итак, введенные С. С. Поповой в научный оборот документы убедительно свидетельствуют, что инициатором поисков «германского следа» в Скандинавии был Альбер Тома, а эти поиски велись французской разведкой, один из представителей которой – Л. Тома в своих мемуарах затем писал по этому поводу: «На пути к пропасти, куда необдуманно устремилась Россия, только один человек попытался приостановить безрассудное, безоглядное движение вперед мужиков и интеллигенции, лишенных рассудка от слишком легкого и полного осуществления их надежд. Этим человеком был Альбер Тома»[280]. Оценка хотя и сильно преувеличенная, но достаточно яркая той роли, которую сыграл французский социалист в борьбе против русских социалистов радикального направления и о которой тогда, в 1917 г. никто, кроме «компетентных органов», не знал.

Готовившаяся в тайне акция против Ленина и большевиков получила и, весьма вероятно, неслучайно психологическую подготовку в прессе. В начале июня 1917 г. известный журналист и видный меньшевик Д. Заславский выступил в газете «День» с целой серией антибольшевистских статей – «Наивные», «Нечестные и наивные», «Гримм и гриммированные»[281] и др. Автор этих статей, рассматривая взаимоотношения Ленина, Зиновьева и Ганецкого с разоблаченным провокатором Малиновским, уделил особое внимание Ганецкому. И не только потому, что тот был в 1914 г. председателем комиссии ЦК РСДРП, не сумевшей распознать осведомителя охранки, и теперь ее заявление о политической честности Малиновского, сделанное за недостатком улик, объявлялось сознательным намерением обелить провокатора. Далее Заславский связывал эти факты с фигурой самого Ганецкого, привлекавшегося, по его утверждению, к судебной ответственности в Копенгагене за мошенничество и контрабанду и находившегося в тесной связи с германским агентом Парвусом. Большевистскому руководству пришлось срочно принимать контрмеры. Заявление Зиновьева по поводу обвинений Заславского и «дело Ганецкого» стали предметом обсуждения на заседании ЦК РСДРП(б) 10 июня. На нем присутствовали 6 членов ЦК из 9: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. И. Ленин, В. П. Ногин, И. В. Сталин, Г. Ф. Федоров. Если обвинения Заславского в адрес Зиновьева были признаны «клеветой в целях политической борьбы с противниками» и на следующий день «Правда» опубликовала постановление ЦК по этому вопросу, то рассмотрение «дела Ганецкого» продолжалось и на следующем заседании ЦК и приняло затяжной харакрер. При этом следует отметить, что на заседаниях 10 и 13 июня обнаружились определенные различия в понимании членами ЦК

[279] Там же. С. 269.

[280] Там же. С. 271

[281] День. 1917. 5, 6, 10 июня

методов борьбы с клеветой буржуазной печати. По свидетельству Е. Д. Стасовой, секретаря ЦК РСДРП(б), Ленин 10 июня развивал мысль о нецелесообразности в условиях постоянной травли со стороны буржуазной прессы опровергать печатно каждое выступление против членов большевистской партии – достаточно потребовать документальных доказательств обвинения, и если их не представят и не передадут дело в суд, то Заславский должен считаться клеветником. Зиновьев придерживался иной точки зрения, а именно: нужно реагировать в печати по каждому поводу, причем прежде всего тому, чья честь задета. Для предварительного рассмотрения подобных случаев ЦК сформировал юридическую комиссию в составе М. Ю. Козловского, П. А. Красикова, П. И. Стучки (все юристы-профессионалы). На заседании ЦК 13 июня Сталин предлагал обусловить выступления в печати постановлением этой комиссии. «Способ единоличных заявлений на клеветнические нападки – отвергнуть, – говорил согласно протокольной записи Сталин. – Мы выступаем только тогда публично, когда дает материал юридическая комиссия»[282]. Сохранившийся неполный протокол не позволяет судить, как реагировали другие члены ЦК. Можно предположить, что достигнутая общая точка зрения отражена в письме Ленина в юридическую комиссию от того же 13 июня. В этом письме Ленин решительно выступил против предложения Исполнительного комитета группы социал-демократов Польши и Литвы о затребовании объяснений от Ганецкого, которое, по его мнению, «содержит в себе совершенно недопустимый выпад против чести отсутствующего (по партийным делам) товарища и при том агента ЦК». Ленин считал, что «надо установить принцип, что партия не должна отвечать на сплетни и клеветы (иначе как повторением, что клеветники суть клеветники), пока в печати не заявлено (1) за подписью определенного лица, не заведомого клеветника, точного обвинения, (2) которое должно давать возможность выступления перед легальным судом обеим сторонам, (3) обвинения, поддержанного политическими организациями, серьезного характера». Честность любого должностного лица партии, настаивал лидер большевиков, не может быть поставлена под сомнение без предварительного опроса свидетелей и изучения документов[283].

В результате обсуждения «дела Ганецкого» ЦК принял 13 июня следующее постановление: «Передать документ, полученный от поляков в юридическую комиссию для обсуждения в кратчайший срок»[284].

17 июня в петроградской газете польских социал-демократов «Трибуна» было опубликовано специальное заявление, в котором говорилось, что клеветой на циммервальдистов (в том числе и на Ганецкого) буржуазная печать стремится подорвать доверие рабочих к революционной социал-демократии. 22 июня по «делу Ганецкого» выступила и «Правда», которая в рубрике «Телеграммы из Стокгольма» опубликовала: 1) заявление Я. Ганецкого и 2) заявление В. Воровского, К. Радека и М. Бронского против статей Д. Заславского. Вот их тексты: 1. «Разоблачение Заславского в «Дне» – нечестная клевета. Никогда не судился за контрабанду и за мошенничество. Как заведующий экспортной фирмой был административно оштрафован за несоблюдение экспедиентом формальностей при отправке медикаментов в Россию. Травля Заславского как политическая кампания ясна. Моя деятельность в Копенгагене хорошо известна всем знающим меня там товарищам. Считаю недостойным оправдываться перед клеветническими нападками бульварного журналиста. Ганецкий». 2. «Прочли в «Дне» грязные нападки Заславского на Ганецкого. Зная двадцатилетнюю партийную деятельность Ганецкого и ознакомившись с фактами его жизни в Копенгагене, считаем выпад Заславского неопрятным политическим маневром для опорочения интернационалистов. Не сомневаемся, что все

[282] Амиантов Ю.Н., Ермолаева Р.А. Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 1 – 2. С. 72.

[283] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 441 – 442

[284] Амиантов Ю.Н., Ермолаева Р.А. Указ. соч. С. 72.

партийные товарищи дадут решительный отпор этим растлевающим приемам политической борьбы. Бронский, Орловский, Радек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.